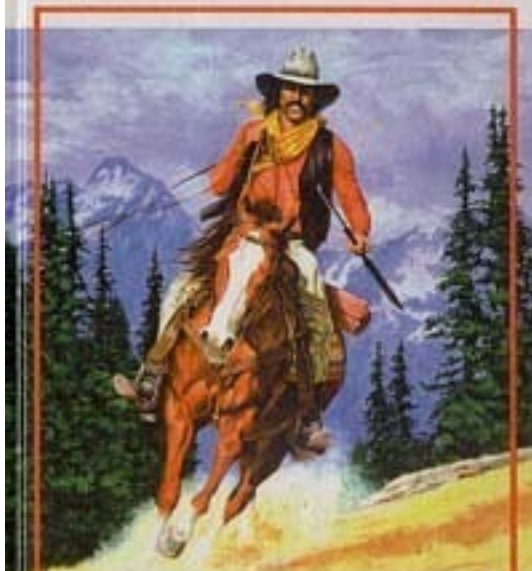
 ВИНЧЕСТЕР
ЛУЧШИЕ ВЕСТЕРНЫ

МАКС БРЭНД
НОЧНОЙ ВСАДНИК

Макс Брэнд

Ночной всадник

«Центрполиграф»

Брэнд М.

Ночной всадник / М. Брэнд — «Центрполиграф»,

Герой романа «Ночной всадник» – блестящий ученый Рэндалл Бирн, человек недюжинного ума, но слабого здоровья, отправляется на Дикий Запад, чтобы набраться сил, и неожиданно для себя становится одним из мужественных отчаянных людей, умеющих выживать в суровых условиях прерий.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	21
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	37
Глава 11	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Макс Брэнд

Ночной всадник

Глава 1

Ученый

Когда Рэндаллу Бирну исполнилось шесть лет, он уже мог назвать любой штат и границы, в которых тот лежал, а также дату его основания. Когда ему исполнилось девять – свободно болтал о Цезаре и героях Гомера. В двенадцать он прочитал Аристофана с полным пониманием намеков и ссылок на тогдашние события, а также делил свой досуг между Овидием и Горацием. В пятнадцать, устав от простоты староанглийского и итальянского тринадцатого века, он углубился в историю философии, а от нее вполне естественно перешел к расчетам и высшей математике. В восемнадцать взял в Гарварде отпуск и, приятно проведя лето с древнееврейским и санскритом, углубился в биологию и родственные с ней науки. В итоге Рэндалл пришел к заключению, что Истина важнее Доброты и Красоты, так как заключает в себе и то и другое, а целое всегда больше, чем любая из его частей. В двадцать один Бирн получил степень доктора философии и с энтузиазмом приступил к своей первой работе – хирургии. К двадцати четырем стал доктором медицины и великолепным диагностом, хотя предпочитал работать в своей лаборатории, стараясь разделить элементы на более простые формы. Кроме того, в то же время он опубликовал книгу по антропологии тиражом двести экземпляров. В ответ получил двести поздравительных писем от выдающихся личностей, попытавшихся ее прочесть. А в двадцать семь прекрасным весенним днем Рэндалл Бирн упал на пол в своей лаборатории. В тот же день его доставили к известному врачу, весьма грубой личности. Великий эскулап пощупал пульс ученого и заглянул в его затуманенные глаза.

– У вас мозг в сто двадцать лошадиных сил, но слишком слабое тело, – информировало светило медицины своего пациента.

– Я пришел к вам, – слабо запротестовал Рэндалл, – чтобы решить проблему, а не обсуждать ее.

– Я не закончил, – продолжал великий доктор. – Помимо всего прочего, вы полный идиот. Тут Рэндалл Бирн протер глаза.

– Что, по вашему мнению, мне следует сделать? – спросил он.

Светило громко фыркнуло и грубо пробурчало:

– Жениться на дочери фермера.

– Но... – нерешительно начал Бирн.

– Я слишком занятой человек! То, что вы отняли у меня целых десять минут, непрости-тельно, – заявил великий врач, отворачиваясь к окну. – Мой секретарь пришлет вам счет на тысячу долларов. Всего хорошего.

Вот по этой причине десять дней спустя Рэндалл Бирн сидел в номере отеля Элкхеда.

Он только что написал своему другу Суинтертону Лауберну, доктору латыни.

«Несомненно, что введение поправки на личные особенности приводит к прискорбным переменам, а способности восприятия при обдумывании явлений через призму его слишком часто вызывают побочные ассоциации или очевидное искажение, чтобы быть реальностью, тогда как физическое (или личное) затемняется силой внутреннего зрения, которое столь безошибочно проникает в скрытые истины бестелесного или потустороннего. Данная проблема, боюсь, не является слишком новой или чересчур сложной, она обладает исключительной привлекательностью для моих способностей к созерцанию, позволяя мне размышлять: где разум

сам по себе бежит от законов природы и в чем и по какой причине законы физического опыта столь безжалостно подчиняют себе умственные процессы, так что нарушение нервной деятельности на самом деле искажает бестелесное и затемняет духовное.

Я прошу прощения, дорогой Лауберн, за эти отклонения от общего к частному, но в менее серьезный период праздности я обещаю предоставить тебе некоторые беззаботные размышления о проблеме, ныне весьма болезненной для меня, хотя и погруженной неминуемо крайне глубоко в грязь банальности.

В своем последнем письме ты спрашивал меня о конкретных физических аспектах моего нынешнего окружения, а также просил описать подробности моего нынешнего состояния. Так вот, хотя (как ты прекрасно знаешь) я убежден, что физический факт не только и не столько нечто нематериальное, я с радостью буду смотреть вокруг, а действия выполнять те, на которые ранее у меня не было возможности...»

Как раз в этом месте Рэндалл Бирн снял очки с толстыми стеклами и, покачивая ими, уставился в окно. Его лицо без очков выглядело совершенно иначе. Исчезло глуповатое выражение, и Бирн сразу, казалось, сбросил лет десять.

Лицо Рэндалла относилось к тому типу, который приятно рассматривать: худое, бледное, прозрачное, кожа туго натянута на скулах, носу и подбородке. Бирн обладал хорошо очерченным подбородком, блеклым ртом с неподвижной верхней губой, что характерно для людей легковозбудимых (например, такая особенность наличествует почти у каждого великого актера). В наследство от родителей он получил тонкий прямой нос, глядя на который сбоку можно было рассмотреть сеть кровеносных сосудов в ноздрях. Дальновзоркие глаза его, глубоко посаженные, с набрякшими нижними веками, моргали при изменении освещения или внезапного озарения гениальной идеей. Рэндалл не замечал узора на обоях, но видел деревья, покрывавшие склоны гор. Лоб являлся наиболее заметной частью лица Бирна: высокий, расширявшийся кверху и разделенный на две отчетливые выпуклости глубокой морщиной, придававшей ученому весьма задумчивый вид. Глядя на этот лоб, посторонний человек восхищался при мысли о том, какой же мозг за ним скрывается. Создавалось впечатление, что голова ученого вовсе лишена костей и незащищенный мозг разрастается, расталкивая ограничивавшие его стены.

Но Бирну досталось хрупкое тело, не созданное для труда. Тяжесть благородной головы заставляла склоняться тонкую шею и сутулила плечи, а когда он двигал конечностями, казалось, что рука, например, состоит только из хрупких костей. Впрочем, определенное отличие существовало. Тощие руки, с синими венами, просвечивавшими с тыльной стороны, чьим основанием служили кости и сухожилия, не дрожали, они идеально подходили для хирургического скальпеля, когда малейшая ошибка выносит смертный приговор.

Отведя взгляд от окна, ученый продолжил послание:

«Основная часть Элкхеда видна из моего окна: универсальный магазин, двадцать семь сравнительно больших зданий и пять салунов. Улицы...»

До улиц, однако, очередь не дошла, так как в этот момент тяжелый кулак сотряс дверь комнаты Рэндалла Бирна, распахивая ее настежь. В номер ввалился Хэнк Дуайт, хозяин салуна, – разносторонний специалист, знавший как прилавок, так и секреты скобяного ремесла.

– Док, – сообщил Хэнк Дуайт, – к вам пришли.

Рэндалл тщательно нацелил очки на посетителя.

– Что... – начал было он, но Хэнк уже повернулся спиной.

– Ее зовут Кети Камберленд. Чуть быстрее, док. Она спешит.

– Если здесь нет другого врача, – торжественно заявил Бирн, медленно спускаясь по ступенькам, – полагаю, что я должен ее осмотреть.

– Если бы в радиусе десяти миль нашелся хотя бы один доктор, – с отвращением протянул Хэнк, – неужели я бы обратился к вам?

Произнеся это, Дуайт вышел на веранду, где доктор увидел девушку в короткой юбке для верховой езды. Затянутая в перчатку рука Кети опиралась о бедро, плетью, зажатой в другой руке, девушка тщательно выбивала пыль из сапога.

Глава 2

Слова и пули

– Вот джентльмен, называющий себя доктором, – произнес Хэнк Дуайт вместо приветствия. – Если он вам сгодится, мисс Камберленд, обращайтесь к нему.

И хозяин удалился.

Теперь солнце оказалось прямо за спиной Кети Камберленд, и чтобы разглядеть девушку, ученому пришлось прищурить слабые глаза и сдвинуть брови. Облако золотых волос, сиявших не хуже солнечного света из-под широкого сомбреро, заставило Бирна почувствовать внутреннее напряжение. Рэндалл повторил имя гостыи, поклонился и, выпрямившись, снова прищурился. Как только Кети заметила, что у эскулапа проблемы со зрением, то подошла поближе, оказавшись в тени.

– Доктора Хардина нет в городе, – объяснила она, – а мне нужен врач на ранчо немедленно. Мой отец серьезно болен.

Рэндалл поскреб подбородок.

– Я сейчас не занимаюсь практикой, – неохотно начал он. Но, заметив, что девушка пристально на него смотрит, словно оценивая, решил, что не произвел на нее впечатления и вряд ли имеет возможность поднять себе цену. – У меня почти нет инструментов... – засомневался Бирн.

– Вам не понадобятся инструменты, – перебила мисс Камберленд. – Проблема моего отца в нервах и состоянии ума.

Глаза доктора слабо блеснули.

– Ах вот оно что! – пробормотал он. – Ума?

– Да.

Рэндалл медленно потер свои бескровные руки и отрывисто, быстро, совершенно бесстрастно произнес:

– Расскажите мне о симптомах!

– Может, мы поговорим по дороге на ранчо? Даже если мы поедем прямо сейчас, то вряд ли доберемся до места раньше наступления темноты.

– Но я еще ничего не решил, – запротестовал доктор. – Такая стремительность...

– Ой! – вспыхнула девушка.

Рэндалл понял, что Кети готова уехать сию же минуту, но что-то ее удерживало.

– Поблизости нет другого врача, а мой отец очень болен. Прошу вас поехать и только поставить диагноз, доктор!

– Но поездка на ваше ранчо... – жалобно простонал Бирн. – Полагаю, вы имеете в виду поездку верхом?

– Естественно.

– Я не знаком с подобным средством передвижения, – совершенно серьезно сообщил он, – и не вступал в контакты с представителями семейства парнокопытных, исключая чисто экспериментальную стадию. У меня всего лишь поверхностные знания анатомии, но если бы я сел в седло, то решил бы, что послушание лошади является, вероятно, поэтическим заблуждением.

Бирн задумчиво потер левое плечо и увидел, как дрожат уголки губ девушки. Он взгляделся повнимательнее и обнаружил, что Кети пытается сдержать улыбку. Лицо доктора просветлело.

– Вы поедете на моей лошади, – сказала Кети. – Она очень добрая и имеет легкий шаг. Уверена, она не доставит вам хлопот.

– А вы?

– Я найду себе что-нибудь в городе. Не важно что.

– Удивительно! – заявил доктор. – Вы выбираете лошадей наугад?

– Но вы поедете? – настаивала девушка.

– Ах да, поездка на ранчо! – застонал ученый. – Позвольте мне подумать. Существуют физические препятствия такому путешествию, причем многие из них вообще непреодолимы. В то же время моральный долг, заставляющий меня ехать на ранчо, по всей видимости, выходит на первый план. – Бирн вздохнул. – Разве не странно, мисс Камберленд, что человек, отделенный от низших животных наличием разума, так часто руководствуется в своих действиях этическими мотивами, отвергающими суждения здравого смысла? Данное наблюдение приводит нас к заключению, что страсть к доброте едва ли является принципом вторичным по отношению к стремлению к истине. Вы понимаете, что я строю гипотезу только экспериментально, со многими оговорками, среди которых...

Бирн внезапно смолк. Улыбка на губах девушки стала еще шире.

– Я только сложу вещи, – предупредил доктор, – и сразу же спущусь к вам.

– Хорошо! – кивнула она. – Я буду ждать вас с двумя лошадьми, прежде чем вы соберетесь.

Доктор повернулся было, чтобы уйти, однако снова взглянул на Кети:

– Но почему вы так уверены, что будете готовы прежде меня...

Однако девушка уже сбежала по ступенькам веранды и быстро пошла по улице.

– В женщинах присутствует элемент необъяснимого, – вслух подумал Бирн и направился в свою комнату.

Там неотвратимая сила заставила его действовать с максимально возможной скоростью. Он бросил свои туалетные принадлежности и кое-какое белье в маленький саквояж и сбежал по ступенькам. Когда Рэндалл, задыхаясь, примчался на веранду, девушка еще не вернулась. Улыбка триумфа заиграла на его суровых бесцветных губах.

– Женский инстинкт, однако, вовсе не безошибочен, – сообщил доктор сам себе и ковбою, раскачивавшемуся на стуле по соседству, и, не дождавшись реакции, продолжил свои рассуждения: – Не случайно точность женской интуиции уже повергнута в тень сомнения многочисленными мыслителями, как вы несомненно согласитесь.

Челюсть ковбоя с лязгом отвалилась, и он заорал:

– О чем это ты толкуешь, черт тебя побери?

Доктор уже вознамерился уйти, погруженный в свои мысли, но тут посмотрел на парня, на сей раз нахмурившись:

– В вашем замечании, сэр, присутствует оскорбление, вовсе не являющееся необходимым.

– Сними свои очки! – так же громогласно предложил в ответ собеседник. – Ты разговариваешь не с книгой, а с человеком.

– А в вашей позиции, – продолжил Бирн, – наличествует элемент агрессии, способной в дальнейшем вылиться в физическое насилие.

Пока он говорил, его голос поднялся до пронзительной ноты.

– Не понял! – честно признался ковбой, вытаращив глаза. – Но кажется, ты слегка злишься? Если ты... – Теперь он встал со стула и направился к Рэндаллу. Очень крупный экземпляр мужчины – загорелый, с большими руками. Доктор покраснел.

– Что тогда? – вызывающе пискнул Бирн.

Перед его носом появился тяжелый кулак, но почти сразу же великан ухмыльнулся, глядя мимо Рэндалла.

– Ох, черт! – проворчал ковбой и, фыркнув, отвернулся от доктора.

На мгновение Бирна охватило безумное желание броситься на парня, но сразу же пришло ощущение полного бессилия. Он знал, что его губы побелели. В горле пересохло.

«Возбуждение неминуемой физической борьбы и личной опасности, – быстро поставил диагноз доктор, – вызывает ускорение пульса и сопутствующую слабость – состояние нестойкое для уравновешенного интеллекта».

Вновь обретая душевное равновесие столь быстрым обнаружением причины, ученый продолжил свой путь по длинной веранде. Возле колонны стоял еще один высокий ковбой, также загорелый, худой и сильный.

– Могу я спросить, – обратился к нему Бирн, – имеете ли вы какую-либо информацию, прямо или косвенно касающуюся семьи по фамилии Камберленд, владеющей ранчо в данной местности?

– Можешь, – ответил ковбой, продолжая сворачивать сигарету.

– Хорошо, вам известно что-нибудь?

– Конечно, – отозвался тот и, закончив сворачивать сигарету, сунул ее в рот. Тут ковбой решил, что ведет себя недостаточно вежливо, поэтому поспешно достал бумагу и табак и протянул доктору. – Куришь?

– Я не употребляю табак ни в каком виде, – отрезал Бирн.

Ковбой уставился на него с таким пристальным вниманием, что не заметил, как спичка обожгла кончики пальцев.

– В самом деле? – спросил он, обретя наконец дар речи. – На что же ты тогда убиваешь время? Ну я вообще-то думал о том, чтобы бросить. Жена злится, что у меня от никотина вечно ногти желтые. – Ковбой вытянул руку с ярко окрашенными в желтый цвет большим и указательным пальцами и заметил: – Мыло не берет.

– Распространенная, но непростительная ошибка, – объяснил доктор. – Окрашивание вызывают смолистые побочные продукты табака. Сам никотин, разумеется, является летучим алкалоидом, присутствующим в незначительных количествах в табаке. Никотин – один из сильнейших нервных ядов и абсолютно бесцветный. Если бы краска на ваших пальцах представляла собой никотин, его хватило бы, чтобы отправить на тот свет дюжину человек.

– Да что вы!

– Тем не менее это факт. Капля никотина, помещенная на язык лошади, мгновенно убивает животное.

Ковбой сдвинул шляпу и почесал в затылке:

– Стоит запомнить. Но я рад, что моя жена тебя не слышала.

– Что касается Камберлендов, – начал доктор, – я...

– Что касается Камберлендов, – язвительно повторил ковбой, – то пусть они сами о себе позаботятся.

Ковбой уже собрался уходить, но его обуревала да познаний.

– Следует понимать, – настаивал доктор, – что с ними связана какая-то тайна?

– От меня вы ничего не узнаете, – решительно заявил его собеседник, спустился по ступеням и быстро удалился.

Никто не мог бы назвать Бирна сплетником, но сейчас оправданием ему служило крайнее возбуждение. Поэтому, заметив в дверях высокую фигуру Хэнка, Рэндалл направился к хозяину:

– Мистер Дуайт, я собираюсь ехать на ранчо Камберлендов. Но из бесед с господами понял, что с ними связано нечто не вполне обычное...

– Верно, – признал Хэнк.

– Можете ли вы разъяснить мне, что именно?

– Могу.

– Отлично! – воскликнул доктор и почти улыбнулся. – Всегда полезно иметь в виду подоплеку умственного расстройства, с которым приходится работать. Так что же вы знаете?

– Я знаю... – начал было хозяин, затем с сомнением взглянул на своего постояльца. – Мне известна история... – наконец продолжил он.

– Да?

– Да, о человеке, лошади и собаке.

– Вступление кажется не столь уж банальным, но я буду рад выслушать.

Наступило молчание.

– Слова, – наконец произнес хозяин, – хуже пуль. Вы никогда не угадаете, куда они попадают.

– Как насчет истории? – упорствовал Бирн.

– Эту историю я мог бы рассказать перед смертью своему сыну, – объявил Хэнк.

– Звучит многообещающе.

– Но я не расскажу ее никому другому.

– В самом деле?

– История о человеке, лошади и собаке! Невероятный человек, невероятная лошадь и собака-волк... – Дуайт снова замолчал и сердито взглянул на ученого. Он, казалось, разрывался на части между желанием поведать историю и страхом перед последствиями. – Я знаю, – проговорил Хэнк, – потому что сам все видел. Я видел... – Он смотрел вдаль, словно прикидывая в уме, какую часть тайны все же можно без опаски доверить чужаку. – Я видел лошадь, понимающую человеческую речь, как мы с тобой, а то и лучше. Я слышал человека, свистевшего не хуже певчей птицы. Да, и это правда. Ты только представь орла, способного убить любого между небом и землей, к тому же умеющего петь. Вот так он насвистывал. Ты радовался, слыша пение, но сразу же проверял свой револьвер. Он свистел негромко, но звук разносился очень далеко, словно спускался откуда-то сверху.

– Так свистел странный человек из вашей истории? – уточнил Бирн, наклоняясь к хозяину.

– Человек из истории? – отозвался Хэнк потеплевшим голосом. – Приятель, если он не настоящий человек, то я призрак. Немало баламутов в Элкхеде получали раны, когда он здесь появлялся.

– А, бандит, человек вне закона? – поинтересовался доктор.

– Послушай меня, сынок. – Хозяин ткнул указательным пальцем во впалую грудь Бирна. – О многих вещах ты знаешь ровно столько, сколько видишь. Часто даже сам не знаешь, как много. Иногда это тебя касается, но чаще – нет. – И Дуайт выразительно заключил: – Слова хуже пуль!

– Ладно, – задумчиво произнес Бирн. – Попробую задать вопрос девушке. Настоятельной потребности нет.

– Спросить девушку? Спросить ее? – с ужасом повторил хозяин. Он с трудом сдерживался. – Впрочем, это *твое* дело.

Глава 3

Доктор едет верхом

Хэнк Дуайт исчез в дверях, а доктора вывел из раздумья голос девушки. Что-то в нем встревожило Бирна. В этом низком, спокойном и музыкальном голосе отсутствовала гнусавая грубость скотоводов. Кети говорила словно пела. Рэндалл обернулся и увидел, что она сидит на высокой пегой лошади. Рядом стояла чалая кобыла. Бирн вышел. Девушка бросила поводья на шею чалой и привязала саквояж доктора позади своего седла.

– У вас не будет никаких проблем с этой кобылой, – заверила Кети.

Однако, когда Бирн приблизился, лошадь прижала уши и сердито захрапела.

– Постойте! – воскликнула Кети. – Подходите слева, а не справа.

Рэндалл услышал насмешку в ее голосе, но лицо его новой знакомой оставалось серьезным. Стиснув зубы, он подошел с левой стороны.

– Обратите внимание, что я принял ваши слова в их буквальном значении, – сообщил Бирн, ставя ногу в стремя и осторожно садясь в седло. Кобыла стояла как скала. Устроившись, доктор вытер выступивший на лбу пот. – Я вполне убежден, – заметил он, – что это животное отличается необыкновенным умом. Все, возможно, будет хорошо!

– Не сомневаюсь, – серьезно ответила девушка. – А теперь поехали.

И лошади пошли рысью. Чалая кобыла скакала очень мягко, приподымая с каждым шагом седока на несколько дюймов, – верный признак хорошей верховой лошади; никто никогда не оседлает лошадь с действительно ровным шагом. Шляпа доктора Бирна начала съезжать на правый глаз, а очки на левое ухо. Он ощутил необыкновенную легкость в животе и тяжесть на сердце.

– Р-р-рысь... – обратился было Рэндалл к своей спутнице, – ч-ч-чертов...

– Доктор Бирн! – вскрикнула его спутница.

– Тпру! – заявил он в ответ и сильно натянул поводья. Чалая кобыла остановилась, словно ядро, натолкнувшееся на крепкую стену. Доктор распластался на ее шее, вцепившись руками и ногами. Затем снова попытался сесть в седло. – В характере этой лошади присутствует некоторая норовистость, – сообщил Бирн о своих наблюдениях.

– Мне очень жаль, – пробормотала Кети.

Доктор искоса взглянул на нее, но на сей раз не обнаружил даже намека на улыбку.

– То слово, которое я...

– Не договорили? – предположила Кети.

– Да, не договорил, – согласился доктор. – Вы, конечно, понимаете, что я вовсе не собираюсь богохульствовать. Напротив, я лишь отметил, что рысь является ужасным аллюром, но из-за прерывистой э-э... артикуляции...

Бирн осмелился взглянуть на Кети, но та по-прежнему сохраняла серьезность. Он почувствовал определенную схожесть между этой женщиной горных пустынь и незнакомцем с веранды. Их молчание выглядело весьма красноречиво.

– Давайте попробуем легкий галоп, – предложила наездница. – Думаю, вам станет легче.

Но стоило только прозвучать этим словам, как ее лошадь пустилась во весь опор. Чалая кобыла тут же последовала дурному примеру, едва не сбросив седока, но, слава Богу, тот успел вовремя ухватиться за луку седла. Воздух ударил в лицо Рэндалла. Всадники вылетели из города в бесконечную прерию.

– Ск-к-корость, – выдохнул доктор, – никогда не была моей страстью!

Бирн заметил, что девушка почти не двигалась в седле, лошадь же, словно нижняя часть волны, бешено раскачивалась взад-вперед. Кети, как гребень той же волны, легко и грациозно

покачивалась, двигаясь не менее гладко, чем водный поток. При этом она разговаривала, будто сидела в кресле-качалке.

– Вы быстро привыкнете, – заверила она Бирна.

Доктор действительно понял, что если нажимать на стремена, когда спина лошади опускается вниз, и наклониться чуть вперед, когда она снова поднимается, движение уже ничем не напоминает тряску. Ведь чалая в самом деле оказалась бесподобным животным и мчалась, как один из знаменитых скакунов прошлого, ведущих родословную от легкого западного ветра. Наслаждаясь встречным ветром, доктор вскоре исполнился гордостью. И ветер приобрел необычайный аромат, и солнце дарило особенное тепло. Чалая то и дело прыла короткими ушами и оглядывалась на всадника, словно ободряя. Жизнь, силу и скорость Бирн сжимал коленями. Он быстро взглянул на спутницу.

Но та скакала, глядя перед собой, и что-то в лице ее заставило Рэндалла внезапно отвернуться. Их путь пролегал по пересеченной местности. В короткий сезон дождей здесь случались внезапные ужасные ливни, сносившие почву и выламывавшие куски скал. Именно поэтому на месте вчерашней равнины появлялся овраг. Сейчас наступил сезон травы, но не густой зеленой травы плодородных земель и мягкого климата, а желтоватой травки, сразу не увядающей и медленно выгорающей под палящим зноем. Она росла на всех равнинах вокруг Элкхеда, перемежаясь кое-где вспыхивавшими на солнце валунами. Так могло бы выглядеть огромное поле боя, покрытое воронками и свежими ранами войны. В самом деле, прерия вполне подходила в качестве арены, – титанической арены для битвы гигантов, с местами для зрителей на окрестных горах, высоких, безлесных. Лишь кое-где виднелись приземистые деревца, ухитрившиеся вынести и ненадежную почву, и перемены погоды. Но сейчас всадники скакали вдали от деревьев. Подножия гор слегка зеленели, дальше на склонах кое-где мелькали ярко-голубые пятна, но лишь голые вершины открывались небесам. Весь день вид горных склонов неторопливо изменялся. Утром они казались обнаженными. Затем отступили, окрашиваясь в голубое и коричневое, а когда наступили сумерки, стали пурпурными и приготовились заснуть, глядя на звезды.

Доктору Рэндаллу показалось, что между этими горами и девушкой рядом с ним существует нечто общее. Кети обладала чистотой вершин под солнцем. Она не отличалась хитростью или склонностью к выдумкам, но в ней ощущалось естественное достоинство. Она словно чувствовала ритм силуэтов горных пиков на фоне неба. Бирн видел, как его спутница рядом покачивается в седле в такт галопу своей лошади, но казалась она ему сейчас чрезвычайно далекой. Кети ничего не скрывала, тем не менее Бирн не мог разглядеть в ее обнаженной душе больше, чем сквозь сумеречные тени с гор. Он не пытался выразить свои эмоции в словах, только испытывал благоговейный страх и понимал необходимость хранить молчание.

Весьма странное чувство! Рэндалл пришел из страны, в которой на человека, не умеющего говорить, просто не обращают внимания, но сейчас эта девушка мягко уводила его от гипотез, сомнений и многосложной речи в мир... чего? Духа? Доктор не знал. Он лишь осознавал, что готовится шагнуть в неизведанное, зачаровавшее его словно противоречившее законам физики движение статуи. Не следует думать, что Бирн смирился с необходимостью полного молчания. Он боролся, но не мог из себя выдавить даже слова.

Наступил вечер. Холмы позади уже потемнели, только вершины гор все еще оставались светлыми. Наконец путники остановились на вершине холма, и девушка показала на ложбину:

– Нам туда.

Впереди виднелись высокие деревья, не слишком скрывавшие контуры двухэтажного дома. Такого большого строения в горах Бирну видеть еще не доводилось. За деревьями тянулись длинные сараи, большая конюшня и обширные загоны. Доктора поразили безграничные возможности для проживания людей и животных. Ранчо производило впечатление оазиса среди пустынных каменистых равнин. Только что Бирн ехал по пустыне, и тут, словно по мановению

вению волшебной палочки, камни превратились в райскую долину. Впервые после отъезда из Элкхеда он вспомнил, что едет сюда для лечения больного.

– Вы должны были рассказать мне, – начал Бирн, – что-нибудь о болезни вашего отца... о причине его состояния... но мы оба забыли об этом.

– Всю дорогу я думала о том, что могла бы вам рассказать, – ответила Кети.

Так как тьма все сильнее сгущалась вокруг, девушка подъехала вплотную к Бирну, словно обязательно хотела видеть его лицо во время разговора.

– Шесть месяцев назад, – начала она, – мой отец был бодр и здоров, несмотря на преклонные годы. Он обладал веселым, деловитым, оптимистическим характером. Но вдруг стал чахнуть. Его здоровье ухудшилось не за один день. Если бы случилось так, то я не проявляла бы такого беспокойства. Я приписала бы все болезни. Но каждый день от него уходила частичка жизни. Потом он стал угасать с каждым часом. Это напоминало движение часовой стрелки. Вы не можете его заметить, но тем не менее в течение двенадцати часов стрелка совершает полный оборот. У отца словно испаряется кровь, и мы не знаем, как ему помочь.

– Болезнь сопровождается раздражительностью?

– Он совершенно спокоен, и, кажется, его абсолютно не волнует происходящее.

– Утратил ли он интерес к тому, что раньше привлекало его?

– Да, сейчас его ничего не интересует. Его не волнует здоровье скота, даже прибыль или убыток в торговле для него ничего не значат. Он просто устранился от любой работы.

– Ага, постепенное уменьшение способностей к вниманию.

– В некотором роде да. Но отец более живой, чем когда-либо. Например, похоже, у него развился сверхъестественный слух.

– Я собирался приписать его состояние воздействию возраста, – заметил Бирн. – Но это нетипично. Этот... э-э... внутренний слух не сопровождается интересом ни к чему в особенности?

Поскольку Кети промолчала, доктор решил, что девушка согласилась, но затем Бирн разглядел в темноте блеск ее глаз, словно она что-то рассматривала за его спиной.

– Только к одному, – наконец ответила она. – Да, он сохранил интерес только к одному.

Доктор облегченно кивнул:

– Хорошо! И что же...

Кети снова замолчала, но на этот раз заинтересованный Бирн пристально взглянул на нее. Та казалась глубоко обеспокоенной: одна рука крепко сжимала луку седла, рот приоткрылся; Кети напоминала человека, испытывающего невыносимую боль. Бирн не мог бы сказать, что заставляло трепетать ее блузку – легкий ветерок или быстрое дыхание.

– Об этом... – выдохнула она, – трудно говорить... Да и бесполезно!

– Разумеется, нет! – запротестовал доктор. – Причина, моя дорогая, хотя может показаться удаленной от своего следствия, имеет огромное значение для диагноза.

– Вот все, что я могу вам сказать, – поспешно перебила Кети. – Он ждет события, которое никогда не случится. Отец потерял кое-что в своей жизни. То, что никогда не сможет вернуть. Так стоит ли нам обсуждать его потерю?

– Для критического ума, – спокойно возразил доктор и автоматически поправил очки, – все имеет значение.

– Уже почти стемнело! – поспешно воскликнула девушка. – Поехали!

– Сначала, – придержал ее Бирн, – я должен сказать вам, что перед отъездом из Элкхеда я услышал намек на некоторую замечательную историю, касавшуюся человека, лошади и собаки. Может быть...

Но Кети словно оглохла. До Бирна донеслось короткое тихое восклицание, адресованное лошади, а в следующий момент всадница галопом помчалась вниз по склону.

Доктор устремился следом. В седле его так растрясло, что он почти задохнулся.

Глава 4

Цепь

Едва войдя в дом, они столкнулись с высоким темноволосым мужчиной с глубоко посаженными темными глазами. Его загорелая кожа приобрела бронзовый оттенок, и он мог бы показаться красивым, не будь его черты так резко вырезаны и грубо отделаны. Довольно длинные волосы незнакомца развевались сквозняком из открытой двери. В нем было что-то диковатое, и сердце Рэндалла дало сбой. Когда мужчина увидел девушку, то его лицо сразу просветлело, но при взгляде на Бирна свет погас.

– Ты не нашла доктора, Кети? – спросил он.

– Доктора Хардина нет, и я привезла вместо него доктора Бирна.

Высокий мужчина лениво осмотрел Рэндалла с головы до пят и протянул широкую ладонь:

– Как поживаете, док?

Бирн решил, что все мужчины в горах очень большие. Такие физические размеры несколько раздражали. Они постоянно вынуждали его защищаться. Он то и дело извинялся перед самим собой и суммировал собственные достоинства. Сейчас у него возникла более серьезная причина для недовольства. Совершенно очевидно, что мужчина не принял всерьез незнакомца доктора.

– А это, – продолжала Кети, – мистер Дэниелс Бак. Есть новости?

– Почти нет, – покачал головой Бак. – Когда наступил вечер, он сказал, что ему, кажется, холодно. Я накрыл его пледом. Тогда он просто сидел, уставившись в никуда. Но недавно начал нервничать.

– Что он делал?

– Ничего. Я только чувствовал, что он возбужден. Примерно так же, как лошадь, перед тем, как собирается понести.

– Вы хотите пройти в свою комнату, доктор, или пойдете к нему прямо сейчас?

– Сейчас, – решил Бирн и последовал за Кети через прихожую.

Интерьер комнаты напомнил Рэндаллу скорее неовикторианский стиль, чем привычное для горной провинции оформление. На полу лежал ковер, сплетенный из нитей всевозможных цветов, но подобранных в грубоватый узор: красный в центре и серо-голубой по краям. Обитые зеленой тканью неглубокие стулья меняли цвет на мышиный, когда свет падал на подлокотники и спинки, и заставляли ваши колени торчать по-идиотски далеко и высоко. В одном конце комнаты Бирн увидел застекленный шкафчик, заполненный морскими раковинами и безделушками, а над ними крест в стеклянном ящике, окруженный веночком из роз. Большую часть стены заполняли гравюры, на которых изображалось все что угодно – начиная Ниагарским водопадом и заканчивая леди Гамильтон. Другой угол комнаты занимала картина с изображением лошадей, финиширующих ноздря в ноздрю. Художник изобразил благородных скакунов существами с огромными крупами и мускулистыми спинами, плавно переходившими в тонкие ножки фавнов. Эти животные летели словно птицы, приняв самые странные позы: передние копыта поднимались выше голов, а задние доставали до кончиков хвостов. Жокей на первой лошади сидел совершенно спокойно, но тот, что проигрывал, размахивал плетью и выглядел механической куклой из-за своих ярко-розовых щек. Вдоль дорожки в грациозных позах стояли мужчины в очень облегающих брюках и дамы с обнаженными плечами и туго затянутыми талиями. Вся компания опиралась на трости или сложенные зонтики и даже развернулась спинами к дорожке, словно считая свою беспечную болтовню более интересной, чем стремительный финиш.

Под ужасающим действием и еще более ужасающим покоем этой картины на кушетке полулежал больной, обложенный подушками и завернутый в индейское одеяло.

– Папа, доктора Хардина нет в городе, – сообщила Кети. – Я привезла доктора Бирна, он недавно приехал.

Больной медленно повернул к посетителям седую голову, и его густые брови слегка поднялись и опустились – мимолетная тень раздражения мелькнула на его очень суровом лице, обрамленном длинными белыми волосами, словно окутанном арктическим холодом. Больной был худым, ужасно худым, но все же не таким, как Бирн. Невероятная худоба мужчины подчеркнула размеры высокого лба и заставила божественно сиять его глаза. Рэндаллу хватило только одного взгляда, чтобы оценить беспокойство, о котором упоминала Кети. Он словно ощутил огонь, плававший в Джозефе Камберленде и пожиравший тело старика. Больной терпеливо отнесся к осмотру, и доктор нашел его пульс слабым, быстрым, но ровным. Температуры не наблюдалось, небольшой жар легко объяснялся скоростью пульса.

Бирн содрогнулся. Он работал в основном в лабораториях и редко сталкивался со смертью, но старик именно умирал. Смерть могла прийти через неделю или через месяц, но больной неминуемо погибнет. Огонь все еще пылал в старом ковбое, но для него уже не осталось топлива.

Бирн снова взглянул на старика, но более внимательно. Огонь без топлива!

Рэндалл что-то тихо про себя воскликнул, нагнулся, чтобы осмотреть Джозефа Камберленда. Доктор словно восхищался больным.

Внезапно он выпрямился и принялся расхаживать по комнате, размышляя вслух. Кети внимательно прислушивалась, стараясь разобрать слова. Рэндалл быстро повторял:

– Эврика! Эврика! Я нашел!

Нашел что? Триумф духа над материей.

На кушетке лежал мертвец. Сердце билось не так, как у нормальных людей, руки застыли, даже само тело остыло, однако человек жил.

Или, точнее, жил его мозг, заставляя подчиняться измученное и изнуренное тело. Доктор Бирн снова повернулся и взглянул в лицо Джо Камберленда. Ему казалось, что он понимает, куда устремлен ясный взгляд больного, освещенный постоянным отчаянным вызовом, не допускавшим гибели тела.

Все вокруг изменилось для Рэндалла Бирна. Девушка исчезла. Стены комнаты растаяли. В него вглядывались глаза мира, а великие мудрецы мерили шагами комнату рядом с доктором, покачивали головами и повторяли: «Это невозможно».

Но перед ними лежал факт, опровергавший все.

Прометей украл огонь с небес и заплатил за него вечной смертью. Старик же платить отказался. Вовсе не наблюдалось комы или транса, Джо выглядел живым, абсолютно живым. Он день ото дня терял силы в страшной битве, особенно ужасной из-за того, что происходила она в тишине. Камберленд не мог получить ни помощи, ни поддержки, не мог победить, мог только отсрочить поражение.

Да, мудрецы улыбались бы и качали головами, если бы Бирн представил это дело их вниманию, но доктор так точно и аккуратно вел записи и имел столько свидетелей, что мудрецам пришлось бы признать истинность его слов. И науке, заявившей, что материя неразрушима, что сознание материально, что мозг нуждается в пище, как любая другая мышца, придется склонить голову и задуматься.

Взгляд Кети заставил Бирна остановиться. Возбуждение преобразило доктора. Его ноздри вздрагивали, глаза светились. Он быстро дышал и покраснел как римский воин. Такое волнение вызвало ответный румянец на щеках девушки.

Она предложила проводить Бирна в его комнату, как только тот пожелает. Он согласился. Ему хотелось остаться одному и подумать. Но когда они покинули спальню больного, хозяйка остановилась в прихожей. Бак Дэниелс топал за ними, тщетно пытаясь идти медленно.

– Ну? – спросила Кети.

Войдя в дом некоторое время назад, она сбросила голубую накидку, и ощущение мальчишеской самоуверенности, наполнявшей его в дороге, исчезло. Рэндаллу пришлось теперь столкнуться с чем-то более сложным. Если при первой встрече с Кети ему показалось, словно подхваченный блеском зеркала солнечный луч ударил его по глазам, то теперь девушку окутывали пастельные тона, так как в плохо освещенной прихожей волосы Кети потускнели, лицо побледнело, даже глаза затуманились страхом. Хотя Бирн и почувствовал ее близость, но все тепло пропало под натиском холода окружавшей опасности.

– Существует мнение, – произнес доктор, – что заключение после первого осмотра неточно, хотя не стоит все же пренебрегать ценностью первого впечатления. Самое большее, что я вправе вам сообщить, следующее: по всей вероятности, не существует непосредственной угрозы, но мистер Камберленд серьезно болен. Кроме того, причиной является отнюдь не его возраст.

Безусловно, Бирн не собирался выкладывать все, что думал, – время еще не пришло. Девушка вздрогнула. Сейчас она напоминала ребенка, ожидавшего сурового наказания за проступок, им не совершенный. Доктор смутно осознавал, что подобные новости следует преподносить помягче, и добавил:

– Мне наверняка понадобится еще осмотреть больного, прежде чем я приду к определенным выводам и назначу лечение.

Кети посмотрела мимо доктора, и сразу же тяжелыми шагами приблизился Бак Дэниелс.

– По крайней мере, – выговорила она, – я рада, что вы честны. Не хочу, чтобы от меня что-либо скрывали. Бак, ты не проводишь доктора в его комнату? – Она слабо улыбнулась. – Это очень старомодный дом, мистер Бирн, но надеюсь, что мы сможем устроить вас достаточно удобно. Просите обо всем, что вам понадобится.

Рэндалл поклонился. Кети предупредила, что обед подадут через полчаса, и вернулась в комнату, где лежал Джо Камберленд. Девушка шла медленно, опустив голову, словно несла тяжкий груз. Бирн последовал за Баком вверх по лестнице. Шествие сопровождалось позвякиванием шпор с огромными колесами, способными мертвой хваткой вцепиться в бока непокорной лошади.

Бак вошел в комнату и пошарил над головой, прежде чем зажег лампу, подвешенную к потолку на двух цепях. Ее круглая горелка светила не хуже электролампочки и озаряла все детали старомодной спальни: голую окрашенную дверь, кровать с четырьмя столбиками – архитектурный реликт тех времен, когда кровати строили, а не просто делали. Здесь также стоял комод с пухлой передней стенкой и висело прямоугольное зеркало в золоченой раме. Ветер задувал в окна и раскачивал кружевные занавески. Комната выглядела очень уютной, и при одном лишь взгляде на кровать доктор сразу вспомнил о гудевших мышцах и тяжелой голове.

Порыв ветра, словно невидимая призрачная рука, распахнул дверь в смежное помещение, и, пока дверь медленно и таинственно ползла, доктор заглянул в соседнюю комнату. Он разглядел только тот угол, куда падал свет от лампы. На полу лежало нечто пластичное и коричневое. Сначала доктор принял это за змею, но затем понял, что перед ним огромных размеров цепь, одним концом прикрепленная к стене. Другой конец заканчивался стальным ошейником не менее впечатляющих размеров. По всему телу доктора пробежали мурашки.

– Черт! – взорвался Бак. – Как *эта* дверь открылась? – Он яростно захлопнул ее. – Она снова ходила туда, полагая, – хмурясь, пробормотал ковбой.

– Кто? – поинтересовался доктор.

Дэниелс отмахнулся.

– Не ваше... – горячо начал он, но вдруг смолк и тяжелыми шагами удалился.

Глава 5

Ожидание

Доктор рассеянно снял пальто и принялся очищать его от пыли и грязи. Он мысленно представил тяжелую цепь, лежавшую на полу в соседней комнате. Хотя Бирн не отличался любопытством или склонностью к сплетням, но, если бы кто-нибудь предложил ему рассказать историю этой цепи за тысячу долларов, в тот момент он счел бы подобную цену смехотворно низкой.

Затем Рэндалл спустился к накрытому обеденному столу, одним глазом косясь на Бака, а другим на Кети. Но если он рассчитывал узнать что-нибудь из разговора за столом, то ему пришлось разочароваться. Дэниелс ел с таким видом, который отметал всякие намеки на болтовню, а девушка сидела с принужденной улыбкой и отсутствующим взглядом. Время от времени Бак поглядывал на Кети, но потом снова с какой-то мрачной решимостью обращал все свое внимание на тарелку. За весь обед прозвучало не больше дюжины слов.

Насытившись, они отправились к больному. Джо не изменил позы, худые руки по-прежнему оставались скрещенными на груди. Густые брови опустились так низко, что глаза спрятались в глубокой тени. Посетители встали полукругом, глядя на больного. Бирн мрачно вспомнил виденную им картину: три волка ожидают, пока лось увязнет в снегу. Они тоже ждали смерти. Однако казалось, что смерть уже пришла, во всяком случае, вряд ли ее приход сделал бы Джо более неподвижным. На фоне стены профиль больного выглядел странной гравюрой. Лампа ярко освещала нос и лоб, остальные части лица скрывались в относительной тени.

Сходство с покойником подчеркивала и застывшая улыбка на губах. Но когда Кети передвинула лампу, чтобы получше осветить отца, Бирн увидел, что больной усиленно сжимал губы. Рэндалл вдруг понял, что молчаливый человек на кушетке изо всех сил борется против взрыва эмоций. Капельки пота выступили на лбу доктора, так как такая полнейшая безмятежность содержала в себе более сильные страсти, чем крики, стоны или схватка. Молчание действовало подобно кислоте, сжигая все без огня. И Бирн осознал всю ценность того, что утратил хозяин ранчо. Кислота горечи и тоски глубоко проела тело Джо и сейчас подбиралась к сердцу. Девушка сказала, что отец угасает уже шесть месяцев. Шесть месяцев! Шесть месяцев непрерывных аутодафе!

Джо безмолвно ждал; его смирение означало, что он предчувствовал скорую смерть, которая посетит его намного раньше, чем предмет его желаний. Тишина воцарилась в комнате. Молчала дочь, и ее глаза потемнели от горя, хотя она по-прежнему не смотрела на отца. Бирну пришло в голову, что не только умирающий отец является причиной ее горя, ведь взгляд Кети устремился скорее мимо, чем на больного. Она тоже ждала? Придавала ли ей печальную серьезность некая тайна?

И Бак Дэниелс. Он тоже не проронил ни слова. Только с поразительной ловкостью одну за другой скручивал сигареты и выкуривал их за полдюжины титанических затяжек. Мысли его вовсе не отличались сложностью. Он любил девушку, и эта любовь наложила печать на его лицо. Бак отчаянно желал Кети; его желание напоминало муки Тантала, слишком сильные, чтобы их когда-либо было можно удовлетворить. Однако он тоже чаще смотрел не на любимую, а в пространство. Дэниелс тоже ждал!

Камберленд что-то почувствовал и встревожился, сейчас он больше напоминал радиолюбителя, собиравшего информацию из мирового эфира.

Так что Бирн не слишком удивился, когда посреди этого угрюмого созерцания старик предостерегающе поднял указательный палец. Кети и Дэниелс замерли на стульях, а Рэндалл вздрогнул. Конечно, ничего не случилось. Ветер, сотрясавший дом после обеда, теперь уси-

лился и дул все с большей яростью; вероятно, старик услышал его завывания и представил, что до него доносится некий ожидаемый звук.

Но палец снова поднялся, рука выпрямилась, отчаянно дрожа, и Джо посмотрел на посетителей вспыхнувшими от иступленной и болезненной радости глазами.

– Слышите! – воскликнул он. – Опять!

– Что? – спросила Кети.

– Говорю вам, я их слышу.

Губы девушки побелели и приоткрылись, но Кети сдержалась и медленно оглянулась, словно взывая о помощи. Темно-бронзовый цвет кожи Бака сменился на болезненно-желтый, на его лице отразился несомненный страх. Затем Дэниелс подошел к окну и резко его распахнул. Ветер ворвался в комнату, дунул на пламя в очаге, и огромные тени внезапно метнулись по стенам, а стулья качнулись, словно при землетрясении. Даже люди вдруг показались нереальными. Бирн испугался, что его может унести в никуда. Какое-то мгновение доносился только шум ветра, плохо закрепленная картина ударилась о стену, зашелестела газета. Но затем Рэндалл различил и другие шумы.

Вначале раздался короткий звук, происхождение которого он не смог определить. Музыкальный, хотя и диссонирующий звук подействовал как порыв ледяного ветра.

Однажды Бирн стоял в коридоре пирамиды Хеопса в Египте, вдруг в руке гида погас факел. Откуда-то из черных глубин до них донесся смех, превращенный эхом во что-то нечеловеческое, и он увидел мумий, выползавших из саркофагов.

Но с этим звуком ничто не могло сравниться – слишком дикий и странный.

Бирн снова прислушался, затаив дыхание, чувствуя покалывание в спине. Так кричат улетающие на север дикие гуси. Рэндалл представил себе серый клин в холодном небе, посылающий человеку неразборчивое сообщение.

– Я был прав! Я был прав! – выкрикнул больной.

Бирн повернулся к нему и увидел, что старик сидит в постели с застывшей улыбкой триумфа на лице. Девушка жутко вскрикнула, а Бак приглушенно выругался, захлопывая окно.

Едва стих ветер и снова ровно загорелось пламя в лампе, глубокое молчание опять воцарилось в комнате. Все снова ждали. Бирн подумал, что становится тепло, слишком тепло. Что-то давило на него, что-то совсем рядом, в комнате. Словно кто-то невидимый спрятался в углу. Доктор почувствовал сродство с человеком, умевшим читать мысли. Более того, он догадывался, что остальные в комнате испытывают то же самое. Рэндалл увидел, что старик лежит с горящими глазами и приоткрытым ртом, словно радостное ожидание опьянило Джо. Бак стоял, положив руку на оконную раму, с такой нестерпимой мукой в глазах, что казалось, сердце вот-вот разорвется в груди ковбоя. А Кети все еще сидела закрыв глаза и улыбаясь. Бирна не испугала радость Джо и страх Бака, но он ужаснулся улыбке и закрытым глазам девушки.

Молчание продолжалось. В комнате витало присутствие пятого человека, что, очевидно, и мешало заговорить остальным.

Глава 6

Миссия начинается

Вдруг ветер принес веселую песню – звонкий хор работников. Песня, словно солнечный свет, прогнала из комнаты ужас. Джо попросил посетителей оставить его. Он клятвенно пообещал, что будет ночью спать. Домочадцы подчинились воле больного.

В прихожей Кети и Бак подошли вплотную друг к другу и заговорили так, будто забыли о присутствии Бирна.

– Это должно было случиться, – волновалась девушка. – Я знала, что рано или поздно так и будет, но не думала, что это окажется так ужасно. Бак, что нам делать?

– Бог знает! – ответил ковбой. – Полагаю, нужно выждать, как мы ждали до сих пор.

В темноте Дэниелс казался стариком.

– Он будет счастлив несколько дней, – продолжила девушка, – а затем? Когда поймет, что это ничего не значит. Что тогда, Бак?

Ковбой взял девушку за руки, словно отец, успокаивающий ребенка.

– Я наблюдал за тобой, когда подул ветер, – мягко произнес он. – Ты собираешься все это выдержать, Кети? Разве каждый раз, когда ты это слышишь, ты не оказываешься в аду?

– Если бы только я! – воскликнула она. – Да, я-то бы выдержала. Недавно я поняла, что вынесу все. Но когда вижу папу, мое сердце разрывается на части. И ты... О, Бак, это ужасно! Ужасно! – Девушка прижала руки к груди. – Если бы мы только могли бороться в открытую!

Бак вздохнул.

– Бороться? – безнадежно повторил он. – Бороться? Против чего? Кети, ты очень устала. Ложись в постель, дорогая, и постарайся не думать ни о чем. И... Боже, помоги нам всем!

Девушка повернулась и прошла мимо доктора, так его и не заметив.

Бак уже поставил ногу на ступеньку, когда Бирн схватил его за рукав. Мужчины вместе поднялись по лестнице.

– Мистер Дэниелс, – начал доктор, – мне необходимо поговорить с вами наедине. Не могли бы вы зайти ко мне на несколько минут?

– Док, – буркнул ковбой, – я едва держусь на ногах, и у меня нет никакого желания болтать. Потерпите до утра!

– Разговор слишком важный, чтобы откладывать. То, что я намерен вам сообщить, мне нужно сказать сегодня. Вы зайдете?

– Да, – кивнул Бак, – но только не тяните.

В комнате Рэндалл сразу же зажег лампу и запер дверь.

– К чему вся эта таинственность, какие у вас секреты? – проворчал Дэниелс, отмахиваясь от предложенного кресла. – Побystрее, док, и покороче.

Бирн сел, снял очки, посмотрел сквозь них на свет, нашел пятнышко, тщательно его вытер и снова задумчиво водрузил очки на нос. Затем все в той же задумчивости устался на Дэниелса.

Бак взглянул на дверь, на окно и с видом человека, принимавшего неизбежное, опустился на стул, сунул руки в карманы, приготовившись к испытанию.

– Меня пригласили, – сухо продолжил доктор, – обследовать серьезно больного пациента. Точнее, безнадежного больного. Я обнаружил, что болезнь пострадавшего не что иное, как результат нервного ожидания чего-то. Вполне естественно, необходимо выяснить природу недуга и его причину, прежде чем появится возможность устранить эту болезнь. Я попросил вас прийти сегодня вечером, чтобы вы дали мне хоть какое-то объяснение тому, что здесь происходит.

Бак беспокойно заерзал и пробормотал:

– Док, я считаю вас джентльменом с мозгами. И дам вам один ответ: убирайтесь подальше от ранчо Камберлендов и никогда не возвращайтесь!

Доктор вспыхнул:

– Хотя я не могу претендовать на уважение человека, незнакомого с физическим страхом, однако мне хотелось бы заверить вас, сэр, что для меня физическое беспокойство не является главенствующим мотивом.

– О, дьявол! – простонал Дэниелс. – Я не утверждаю, что вы трус. Я говорю следующее: вы вряд ли сможете распутать такой клубок, да и любой другой человек. Бросьте все, умойте руки и возвращайтесь в Элкхед. Не возьму в толк, о чем думала Кети, когда привезла вас сюда!

– Я охотно признаю великолепие вашего намерения. Хотя само допущение, что сложность существующей проблемы удержит меня от анализа, является гипотезой, которую я не могу оставить неопровергнутой. Проще говоря, я даю вам понять, что собираюсь здесь остаться.

Бак помотал головой, но, подумав немного, пожал плечами и снова покорно сел.

– Ладно, – сказал он. – Кети притащила вас сюда. Возможно, у нее на то есть свои причины. Что вы хотите знать?

– Какова связь между дикими гусями и человеком, лошадью и собакой?

– Что вам, черт побери, известно о человеке, лошади и собаке?... И о диких гусях? – напряженно выговорил Бак.

– К несчастью, моим единственным источником информации в данном отношении являлся слух. Но, сэр, я убедился, что мистер Камберленд, его дочь и вы, сэр, ожидаете определенного события на этом ранчо. События, как я могу предположить, касающегося некоего человека.

– Док, – саркастически произнес ковбой, – у вас, несомненно, превосходные мозги.

– Насмешка, – провозгласил ученый, – полезна в случае умственных способностей, не имеющих ценности и содержания, но бесполезна в данном случае. Она вряд ли справится с моим аргументом: кто и что тот человек, которого вы ждете?

– Он пришел ниоткуда. Вот и все, что мы о нем знаем. Кто он? Я легко отвечу вам: он джентльмен, выглядит как человек и говорит как человек, но он *не человек*.

– Ага, – кивнул философ, – преступление значительной важности, возможно, отрезало несчастного парня от связи с ему подобными. Так?

– Нет, – ответил Бак. – Скажите мне, док, разве волк может совершить преступление?

– Приняв в качестве определения, что преступлением является нарушение закона и что законом является сила, созданная для контроля разумных существ, можно считать, что действия низших животных лежат за пределами категорий, сформулированных в соответствии с этическими предписаниями. Прямо отвечая на ваш не лишенный интереса вопрос, я полагаю, что волк не может совершить преступления.

Бак вздохнул.

– Знаете ли вы, док, – серьезно спросил он, – что напоминает горного козла?

– Да? – пробормотал ученый. – Разве подобное возможно? И каков характер горного козла, мистер Дэниелс?

– У него ноги на одной стороне короче, чем на другой, и единственным способом для него подняться на вершину холма является обходить холм по кругу. Он проходит милю, чтобы подняться на десять футов.

– Данный факт, – произнес Бирн, задумчиво потирая подбородок, – представляет интерес, хотя я не в состоянии установить связь между собой и таким созданием, хотя, возможно, существует некое биологическое сходство, но в настоящий момент я лишен соответствующей информации.

– Я и не думал, что вы меня поймете, – с прежней серьезностью заметил Бак. – Но вы можете мне поверить, док: джентльмен, которого мы ждем, совершил не больше преступлений, чем волк.

– Понимаю, – кивнул Бирн. – Человек настолько близок к животному, что его чудовищные деяния лежат за пределами...

– Откровенно говоря, – перебил Бак, подняв вверх палец, – в горах нет человека добрее и вежливее. Его голос мягче голоса Кети Камберленд, а что касается сердца... Док, я сам видел, как он слез с лошади, чтобы избавить раненого кролика от страданий! – Голос Дэниелса торжественно зазвенел, когда он вспоминал о таком невероятном событии. – Если бы я нуждался в помощи, то предпочел бы видеть рядом его, а не десяток других мужчин. Если бы я заболел, то выбрал бы его, а не десять лучших в мире докторов. Если бы мне понадобился друг, готовый умереть за тех, кто совершил для него добрые дела, и отправиться в ад, чтобы настичь тех, кто его обидел, я выбрал бы его, и нет никого, способного его заменить.

Подобный панегирик не являлся всплеском воображения. Бак говорил совершенно серьезно, подбирая слова, и даже если использовал превосходные степени, то лишь потому, что в них нуждался.

– Замечательно! – пробормотал доктор и повторил свое восклицание, но уже тише. Бирн редко пользовался такими словами, во всей своей карьере ученого и во всех научных исследованиях он испытывал необходимость применить столь сильное слово не более полдюжины раз. Он осторожно продолжил, близоруко глядя на Дэниелса: – И какова связь между этим человеком, лошадью и собакой?

Бак вздрогнул и побледнел.

– Послушайте, – заявил он. – Я говорил достаточно. Вы не услышите от меня ни одного слова, кроме: «Док, выпитесь, садитесь завтра утром на лошадь и уезжайте. Даже не дожидаетесь завтрака. Потому что если вы *дождетесь*, то станете одним из нас. Тоже будете ждать!» – Бак вдруг о чем-то вспомнил и резко встал. – Сколько раз, – прогремел он, – вы видели Кети Камберленд?

– Сегодня в первый раз.

– Ладно, – успокоенно проворчал Дэниелс, – вы видели ее достаточно. Я *знаю*. – Вслед за этим Бак повернулся лицом к двери и приказал: – Откройте. Я устал... и болен... от разговоров о нем.

Но доктор не пошевелился.

– Тем не менее вы останетесь, – сообщил он. – Есть кое-что, о чем вам известно, и вы мне это сейчас расскажете.

Бак свирепо взглянул на Бирна, такой взгляд не сулил доктору ничего хорошего.

– Я видел, как вы говорили о девушке, – сказал Бирн, – и мне показалось, что вы утаиваете от меня важную информацию. Я не могу установить точной природы этой информации, но вполне целесообразно предположить, что вы в состоянии назвать место, где сейчас находится тот самый человек, которого ждут мистер Камберленд и его дочь.

Бак ничего не ответил, но вернулся к своему стулу и тяжело упал на него, глядя на маленького доктора. И Бирн понял, дрожа от удовольствия, что не боится смерти.

– Я мог бы далее заключить, – продолжал доктор, – что вы сами поедете туда, где, по вашему мнению, пребывает этот человек, и побудите того к поездке на ранчо.

Немой гнев Дэниелса испарился. Ковбой улыбнулся и затем невесело рассмеялся:

– Док, если бы вы знали, где лежит револьвер, что заставило бы вас приставить его к собственному виску и спустить курок?

Но доктор неумолимо продолжал свои умозаключения:

– Потому что вам известно, мистер Дэниелс, что лишь присутствие этого человека дает возможность спасти жизнь мистера Камберленда. Данное мнение вряд ли примет официальная

медицина, но подобное действие, вероятно, без чрезмерного преувеличения разрешит психологическую ситуацию в этом доме.

– Док, – прохрипел Бак, – вы говорите прямо, действуете прямо, и я думаю, что у вас прямой характер, поэтому скажу без обиняков. Я действительно представляю, где сейчас Свистун Дэн... Почти точно. Но если бы я поехал за ним и привез сюда, то разбил бы сердце Кети Камберленд. Понимаете? – Эмоции настолько переполняли ковбоя, что даже голос сел от напряжения. – Я думал об этом и так и эдак. Или Кети, или Джо. Кто из них важнее?

Доктор выпрямился на стуле, протер очки и снова взглянул на ковбоя:

– Вы вполне уверены, что возвращение этого человека, этого странного скитальца, поможет мистеру Камберленду вернуться к жизни?

– Конечно. Он целиком поглощен Свистуном Дэном.

– Какова природа их отношений? Что заставляет одного так странно зависеть от другого?

– Мне трудно судить, док. Мы все спятили из-за этого. Когда Дэн здесь, кажется, будто старик действительно живет тем, что Дэн делает, слышит и видит. Мы наблюдали, как Камберленд настораживается в тот момент, когда Дэн входит в комнату, и ожидает. Иногда Дэн сидит рядом со стариком и рассказывает о своих делах... А иногда просто болтает о том, как небеса смотрят на землю, а легкий ветерок ласкает травы... Но Джо с мечтательным взглядом внимает ему, словно маленький ребенок, которому рассказывают волшебную сказку. Кети говорит, что так всегда было с тех пор, когда Джо впервые привел Дэна в горы. Он зачем-то нужен старику... Почти как воздух. Должен вам сказать, что когда они вдвоем, то зрелище просто потрясающее. Такое стоит увидеть.

– Очень странно, очень странно, – хмурясь, размышлял Рэндалл. – Но, похоже, в таком странном месте и могут жить только странные люди. Вы не знаете, почему Дэн покинул ранчо?

– Спросите диких гусей, – горько ответил Бак и добавил: – Может, вам лучше поинтересоваться у черной лошади Дэна или его собаки Барта. Им наверняка известно побольше моего.

– Но что этот человек делал после своего ухода? Вы не догадываетесь?

– Поболтайте в округе о джентльмене, что приезжает в город на черной лошади, красивее которой никто не видел. Впрочем, едва ли у кого-то развяжутся языки. Думаю, он просто ездит вокруг, никому не причиняя вреда. Но если кто-нибудь натравит на Барта собаку, то пес разорвет ее на тысячу кусков. Тогда хозяин собаки начнет ссору, Дэн его уложит и отправится дальше.

– Оставив позади себя труп? – воскликнул доктор, съежившись, словно пытаясь спрятаться от холода.

– Труп? Вовсе нет. Вам не придется убивать, если вы умеете обращаться с револьвером так, как Дэн. Нет, он только подстреливает их. Всаживает заряд свинца в плечо, в руку или ногу. Вот и все. Дэн не любит крови... кроме...

– Ну?

– Док, – вздрогнул Бак, – я не собираюсь говорить об исключениях. В основном мы узнаем о Дэне и его проблемах. Но иногда мы слышим о джентльменах, которым Дэн помог справиться с болезнью, и тому подобном. Нет никого лучше Дэна, когда джентльмен болеет. Вот что я вам доложу!

Доктор вздохнул:

– Если я вас правильно понял, то девушку и этого человека – Свистуна Дэна, как вы его называли, связывают нежные и близкие отношения?

– Она его любит, – медленно ответил Дэниелс. – Она боготворит землю, по которой он ступал, и места, где он побывал.

– Но, сэр, из вашего рассуждения следует, что его возвращение в таком случае не будет принято ею враждебно?

– Рассуждение? – горько воскликнул Бак. – Да что сможет сделать рассудок со Свистуном Дэном? Боже! Если бы Барри вернулся, неужели вы думаете, он вспомнил бы, как когда-то признавался в любви Кети? Док, я знаю его так хорошо, как ни один другой человек. Уверяю вас, он думает о ней не больше, чем дикие гуси. Если старик умрет из-за отсутствия Дэна... Что ж, в конце концов, Камберленд прожил вполне достаточно. Но как я вынесу, если Барри пройдет мимо Кети и не заметит ее. А он именно так и поступит, когда вернется. Мне хочется его убить, но при перестрелке он меня отправит на небеса, вот и все. А что тогда будет с Кети? Это убьет ее, док, без всяких сомнений.

– Вы полагаете, – произнес доктор, – что если она никогда снова не увидит Дэна, то вскоре о нем забудет.

– Вы могли бы забыть о воткнутом в вас ноже? Нет, она его не забудет. Но вероятно, со временем станет меньше о нем думать. Она привыкнет к боли и станет говорить и смеяться, как прежде. О, док, если бы вы видели ее такой, какой я видел ее раньше...

– Когда этот человек был с ней? – перебил доктор.

У Бака перехватило дыхание.

– Будьте вы прокляты, док! – мягко произнес он.

Некоторое время оба молчали. Лицо Дэниелса исказилось от нахлынувших мыслей. Бирн тем временем пытался сопоставить факты и вскоре обнаружил между ними значительный разрыв. Он пробовал представить себе человека, чье присутствие оживляло старика Джо и чье отсутствие словно испаряло масло из лампы, где едва тлело пламя. Но он не мог представить себе ничего подходящего. Правда, ему удалось нарисовать смутный образ человека, для которого шторм и преодолевающие шторм дикие гуси имели смысл и значение. В руках Бирна его любимая логика разлеталась на тысячи кусков.

Молчание – лишь слово, а не факт. Даже в абсолютной тишине слышны звуки. Если не считать стук ветра в окно или таинственный шепот в доме, существует ваше собственное дыхание, а в минуты напряженного ожидания сердце бьется громко и ужасно, словно наигрывая похоронный марш. Именно такое молчание наступило между доктором и ковбоем. Больше всего на свете Бак хотел уйти из этой комнаты, но взгляд доктора заставлял его оставаться на месте. Они снова ждали, ждали, полные ужаса, до тех пор, пока слабое поскрипывание в сотрясаемом ветром доме не превратилось в звук шагов. Кто-то прошел через прихожую и остановился у двери. Затем последовало хриплое дыхание того, кто слушал и улыбался. Доктор заметил, что глаза Бака расширились и просветлели, лицо побледнело, даже губы стали бесцветными и двигались весьма поспешно.

– Послушайте!

– Это ветер, – почти шепотом ответил доктор.

– Послушайте! – снова приказал Бак.

Тогда доктор уловил. Неясный звук заставил сердце бешено заколотиться. Горло сжало так, словно его сдавила чья-то беспощадная рука. Бак встал, в его глазах горело безумие и желание услышать то, что он не видел. Глядя на него, Бирн понял, как мужчины славно погибают в битве, сражаясь за идею, или как они совершают тайные бесчестные убийства. Однако он боялся этого звука больше, чем Бак. Бирн тоже встал, и когда Дэниелс подкрался к двери в смежную комнату и прислонился к ней, доктор последовал за ним.

Теперь они слышали лучше. В комнате звучала музыка. Женщина плакала в той комнате, где на полу лежала цепь, свернувшаяся змеей. Бак выпрямился и отошел от двери. Он засмеялся, стараясь, чтобы его не услышали за дверью. Такой немой смех показался доктору самым страшным из всего увиденного в жизни.

Так продолжалось некоторое время. Затем истерика прошла. Забрав все силы Дэниелса, она заставила ковбоя дрожать подобно осиновому листу.

– Док, – пробормотал Бак, – я не в силах больше терпеть. Я поеду и постараюсь его сюда привезти. Прости меня за это, Господи.

Он вышел из комнаты, захлопнув за собой дверь, спустился в прихожую, стараясь производить как можно больше шума. Доктор сел, пытаясь привести в порядок свои мысли. Он начал со следующего пункта: «Физический факт отсутствует, существует только нематериальный». Но прежде, чем Бирн приступил к умозаключениям на основании своей предпосылки, он услышал ржание лошади возле дома. Рэндалл подошел к окну и широко его распахнул. В тот же момент до него донесся стук копыт, после чего Бирн увидел всадника. Почти мгновенно тот исчез из виду.

Глава 7

Джерри Стрэнн

Гнев Божий кажется менее ужасающим, когда сосредоточен в определенном месте. Почти весь мир ежедневно благодарил Бога за то, что сфера деятельности Джерри Стрэнна ограничивалась «Тремя «Б»... Все в горах знают, что «Три «Б» – это Биндер, Бакскин и Браунсвилл. Они образуют вершины неправильного треугольника, ограниченного каньонами и горами. Треугольник являлся излюбленным местом пребывания Стрэнна. Джерри не был уроженцем «Трех «Б», и причина, заставившая его выбрать данное место, озадачивала аборигенов. Но они догадывались, что в лице Джерри Стрэнна им на голову обрушился гнев Божий, как воздаяние за все их бесчисленные прегрешения.

Ему едва исполнилось двадцать четыре, но Джерри успел превратиться в притчу во языцах. Люди в «Трех «Б» датировали события визитами молодого человека. Если с гор приносился шторм, кто-нибудь мог заметить: «Похоже, Джерри Стрэнн идет». Подобное замечание всегда встречалось с угрюмым молчанием. Матери знали, чем можно до смерти напугать детей. «Если будешь себя плохо вести, то Джерри Стрэнн тебя заберет». А ведь Джерри вовсе не выглядел людоедом с окровавленным кинжалом в зубах. У него была совершенно романтическая внешность: рост шесть футов, грациозность молодого тополя на ветру и прочность корней мескитового дерева. Джерри относился к той редкой категории мужчин, чья красота не мешала мужественности. Тонкость работы природы над чертами его лица напоминала мастерство Праксителя, явившее миру прекрасную Фебу. Густые темные волосы развевались на ветру, а ореховые глаза сияли неземным светом – безудержной радостью жизни.

Заметьте, что в душе Стрэнна злоба даже не ночевала. Но он любил борьбу, как юный Аполлон... или чистокровный бультерьер. Джерри боролся уважительно, грамотно, непринужденно и охотно использовал кулаки, ножи и револьверы ради удовольствия своих соперников. В другое время в латах, с золотой цепью и шпорами он стал бы... но зачем об этом думать. Мечи не похожи на револьверы 45-го калибра, а двадцатый век на тринадцатый. Джерри просто опоздал родиться на шестьсот лет. С детства он жаждал битв, как другие дети хотят молока. Теперь же ездил верхом и бросал нож по-мексикански обеими руками, а с короткой дистанции так стрелял из двух револьверов, что специалисты по оружию хватались за сердце.

Однако люди в «Трех «Б», как вы догадываетесь, не отличались добротой и долготерпением. Приходится только удивляться, почему нашему молодому разрушителю позволяли действовать так долго. Существовало разумное объяснение. Выше в горах жил Мак Стрэнн, траппер-отшельник, ненавидевший в мире все, кроме своего младшего брата, красивого, дикого и веселого Джерри. И Мак Стрэнн любил брата так сильно, как ненавидел все остальное. Невозможно точнее выразить его чувства. Жители «Трех «Б» не сразу выяснили, как Мак относится к своему брату. После знаменитой вечеринки Джерри в честь Хэллоуина в Бакскине, например, Уильямсон, Меккенни и Рис решили избавиться от беспокойного юноши. Они отправились на охоту за диким мустангом. И трое крепких мужчин поймали и окружили его. Джерри месяц пролежал в постели. Но перед самым концом месяца Мак спустился с гор, пришел в Бакскин и пригласил на площадь Уильямсона, Меккенни и Риса. А когда наступило утро, трое крепких мужчин покинули эту юдоль слез, а Мак вернулся в горы. Его даже не пытались арестовать. Парень обладал дьявольским коварством и заставлял своих жертв атаковать первыми, а затем уничтожал всех подряд, внезапно и безжалостно. После чего снова скрывался в своей норе. Подобное случалось еще раз или два, пока жители «Трех «Б» уразумели, что лучше не устраивать заговоров против Джерри Стрэнна. Они приняли парня, как люди принимают гнев Божий.

Не следует думать, что Джерри последовал примеру брата и стал отшельником. Когда он выходил развлечься, молодежь толпилась вокруг, потому что Стрэнн платил по всем счетам и самогон перетекал в его глотку, словно вино перед приходом Бахуса. Там, где пировал Джерри, никто не скучал. Поэтому, когда Стрэнн въехал в Браунсвилл, за ним неслась кавалькада. Молва бежала далеко впереди процессии, двери запирались, окна зашторивались, и мужчины затаивались в полумраке, приготовив оружие. Поскольку Браунсвилл лежал на самом дальнем северном конце треугольника, то Джерри редко удостаивал его своим посещением. А ведь давно известно, что люди боятся незнакомого больше, чем известной беды.

Итак, Джерри возглавлял компанию гуляк, отчасти потому, что у всех хватало ума не опережать задиру, отчасти потому, что мало лошадей могло обогнать его гнедого. Словно северный ветер и сам дьявол породили этого коня. Его характер полностью соответствовал характеру Джерри, вероятно, из-за того, что они служили одному хозяину. Кавалькада неслась, грохоча копытами и вздымая облака пыли. Но посередине улицы Джерри крикнул и поднял правую руку, мягко останавливая гнедого. Клубы пыли не спеша покатались дальше. Молодежь собралась вокруг предводителя, ожидая его указаний. Тишину нарушало только ржание коней, да еще мужчины шумно вдыхали запах пота взмыленных лошадей.

– Чья это лошадь? – указал Джерри.

Он остановился напротив отеля О'Брайена, лавки, кузницы и салуна. Возле коновязи стоял черный жеребец. Существуют некоторые люди, несущие отпечаток внутренней силы на своем лице и в выражении глаз. Во времена кризисов толпы следуют за такими людьми, как солдаты за полководцем. С первого взгляда такие люди выделяются среди других. Несомненно, встречаются лошади, достойные своих хозяев. Таков был этот конь. Если бы он брал барьер на скачках, все зрители поднялись бы в едином порыве: «Что это за лошадь?»

Гнедой вовсе не выглядел идеально. Некоторые критики заявили бы, что конь слишком легко и изящно сложен для длительной скачки. Но как человек несет печать своего величия на лице, так и в облике черного жеребца угадывалось что-то царственное. Когда кавалькада с грохотом спускалась вниз по улице, он повернулся с кошачьей грацией и поднял голову, чтобы взглянуть. Его морда и глаза заставили Джерри замереть не хуже нацеленной винтовки. Глядя на гордую голову коня, можно было забыть о его туловище, форма которого порадовала бы скульптора изогнутой шеей и стальными мускулами. Человек замечал лишь характер лошади. В людях подобное качество называется личностью.

После небольшой паузы, видя, что никто не спешит признавать коня своим, Джерри мягко заявил:

– Этот жеребец мой.

Толпа его спутников зашевелилась. В горах можно легко присвоить чужую жену, подобрать заблудившуюся корову, а то и две, затем уладить дело в укромном месте при помощи свинца 45-го калибра. Но лошадь – совсем другое дело, в горах она стоит вне всяких законов. Она важнее чести и дороже любви. Когда один человек отбирает лошадь у другого, мужчины собираются и охотятся за воров. Такая охота порой продолжается очень долго, но всегда доводится до конца. Настигнув вора, его убивают как собаку, оставляя труп под равнодушными звездами на поживу стервятникам. Всему этому есть объяснение, но Джерри Стрэнн все же слез с коня. Он бросил поводья на шею гнедого и с жадными глазами направился к черному жеребцу. Джерри безрассудно подошел слишком быстро. Жеребец повернулся с кошачьей грацией, и два черных копыта пролетели на волосок от плеча Стрэнна. В толпе вскрикнули, но Джерри отступил и улыбнулся, сверкнув зубами.

– Ребята, – произнес он, на самом деле обращаясь к самому себе. – Я хочу этого коня больше всего на свете. Больше всего! Я куплю его. Где хозяин?

– Не похоже, что хозяин продаст такого коня, – предположил кто-то из кавалькады, спешиваясь и вплотную подходя к Джерри.

Стрэнн расцвел одной из своих самых загадочных улыбок.

– Он продаст, – хихикнул он. – Наверняка. Может быть, он в салуне. Ребята, пройдитеесь вокруг и поищите его, а я зайду внутрь.

И Джерри прошел через раскачивавшиеся двери салуна.

В это время дня клиенты не досаждали О'Брайену, так что тот сидел задрав ноги на спинку стула и потягивал пиво из высокого стакана. Когда дверь щелкнула, он мгновенно вскочил. Румянец с его щек испарился в неизвестном направлении, а веснушки на носу засверкали чернильными пятнами.

– На улице стоит черный жеребец, – сообщил Джерри. – Я хочу его купить. Где хозяин?

– Выпейте, – предложил бармен и выдавил из себя дружелюбную улыбку.

– Я пришел заниматься делом, а не пьянствовать, – отрезал Джерри.

– Потеряли вашего гнедого? – обеспокоенно спросил О'Брайен.

– Гнедой мне нравился, пока я не увидел черного. Теперь я его даже за коня не считаю. Где джентльмен, который мне нужен?

Бармен уклонился от ответа как мог долго, но в конце концов сдался и указал пальцем:

– Вон там.

Спиной к Стрэнну за столом в углу длинного зала, сдвинув сомбреро на затылок, сидел худощавый парень. Он играл в солитер. Джерри быстро огляделся, подтянул патронташ и с ухмылкой приблизился к незнакомцу. Парень не обернулся, продолжая монотонно выкладывать карты, но при этом крайне вежливо произнес:

– Лучше стой, где стоишь, приятель, ты не нравишься моей собаке.

И Стрэнн разглядел в тени стола еще более черную тень, огромную и бесформенную. Два зеленых глаза уставились из мрака на Джерри. Он остановился, даже сделал шаг назад, но вдруг услышал сдавленный смешок бармена.

Если бы О'Брайен не развеселился столь некстати, возможно, в историю «Трех «Б», не были бы вписаны последующие события.

Глава 8

Дареный конь

– Собака, конечно, твоя, – заметил Джерри, по-прежнему обращаясь к спине игравшего в карты незнакомца. – Но ты не дома. Присмотри за псом, иначе я справлюсь сам, и тебе уже никогда не придется за ним приглядывать!

Произнеся это, Стрэнн шагнул вперед. Собака зарычала, ее рычание, глубокое и гортанное, напоминало подавленный вздох. Джерри выхватил револьвер.

– Барт, – вежливо попросил незнакомец, – ляг и помолчи, пожалуйста.

Он повернулся, поправил шляпу и дружелюбно взглянул на Джерри. Незнакомец, как и Стрэнн, был красив, хотя Джерри и выглядел более мужественно. Чужак отличался женственной мягкостью и грацией, круглыми девичьими запястьями, изящными руками. Летняя жара и зимняя стужа здешних мест делают кожу грубой, съедают лишнюю плоть, заостряя черты лица, но у чужака лицо осталось гладким и округлым, словно природа на сей раз решила продемонстрировать все свои способности. Ее мастерство привлекло бы скорее женщин, чем мужчин. Мужчины любят солидный вес и массу костей с мышцами, а этот парень казался очень легким. Он сидел, глядя на Стрэнна с величайшей серьезностью большими карими, чуть удивленными глазами. Иногда подобную таинственность и задумчивость можно заметить в глазах некоторых животных.

Поймав взгляд чужака, Стрэнн снова ухмыльнулся, морщины на лбу у него тут же разгладились, а револьвер нырнул обратно в кобуру. Большая собака забилась в тень поглубже и прижалась к хозяину.

– Я Стрэнн. Ты, наверное, обо мне слышал.

– Меня зовут Барри, – ответил незнакомец. – Мне очень жаль, но я раньше о тебе никогда не слышал.

Звук его голоса снова заставил Джерри ухмыльнуться. Такой бархатный голос больше подошел бы девушке. Более того, карие глаза, казалось, просили прощения за неведение относительно столь знаменитого имени.

– У тебя там конь стоит.

Барри кивнул.

– Сколько ты за него хочешь?

– Нисколько.

– Нисколько? Подожди, – возразил Стрэнн, – все имеет цену, и я должен получить этого коня, ясно? *Должен!* Я готов торговаться. Я не стану пытаться тебя разорить. Ты только назови свою цену, я заплачу. Мне кажется, что это справедливо.

– Он не слишком покладистый конь, – заметил Барри. – Возможно, он тебе не понравится.

– Насчет этого не переживай, – фыркнул Стрэнн, но все-таки умерил свое веселье и внимательно посмотрел на собеседника, пытаясь понять скрытую насмешку. Однако глаза Барри оставались такими же извинявшимися. Стрэнн продолжил: – Я увидел в нем адов огонь. Он остановил меня как пуля. Я люблю таких лошадей. Они прекрасно подходят для схватки. Ну давай, называй свою цену. Эй, О'Брайен, плесни-ка нам горлодера. Я намерен заключить кое-какую сделку!

О'Брайен с выпивкой поспешно приблизился, тем временем Стрэнн вежливо осведомился:

– Ты местный?

– Нет, – спокойно ответил Барри.

– Нет? И откуда же ты приехал?

– Оттуда. – Барри грациозно махнул рукой в сторону всего остального земного шара.

Джерри хмыкнул и еще раз внимательно взглянул на собеседника.

О'Брайен поставил перед ними выпивку.

– За черного дьявола! – предложил Стрэнн. Он залпом проглотил свою порцию и, ставя стакан на стол, с безграничным изумлением заметил, что незнакомец не притронулся к виски, продолжая пить воду из своего стакана. – Ну, с Богом! – звонко объявил он и ударил тяжелым кулаком по столешнице. – Теперь о цене.

– Я не знаю, сколько стоят лошади, – пожал плечами Барри.

– Ну, для начала... Пять сотен баксов наличными... Золотом!.. За твоего... Как его зовут?

– Сатана.

– Как?

– Сатана.

Стрэнн снова хмыкнул:

– Так вот, пять сотен за Сатану. Как насчет такой цены?

– Если тебе удастся его объездить... – начал незнакомец.

– Черт! – улыбнулся Стрэнн и беззаботно махнул рукой. – Конечно, я его *объезжу!*

– В таком случае забирай его даром, – заключил Барри.

– Ты бы... Что? – переспросил Стрэнн.

Затем он медленно поднялся со стула и громко позвал людей. Двери мгновенно распахнулись, и в салун заглянуло множество лиц.

– Парни, этот джентльмен собирается отдать мне своего черного... Ха-ха-ха!.. Если я объезжу коня! – Джерри повернулся к Барри: – Они все слышали, и теперь сделка считается заключенной. Если твой конь меня сбросит, то дело не выгорело. Верно?

– Да, – кивнул Барри.

– Что за идея? – спросил у Джерри один из спутников по дороге из салуна на улицу.

– Понятия не имею, – пожал плечами Стрэнн. – Тот парень выглядит простоватым. Но я не виноват, если он заключил плохую сделку. Ага, вот и ты!

И Джерри схватил черного жеребца за уздечку. Его спасла только молниеносная реакция. Стоило ему коснуться упряжи, как Сатана сразу же повернул голову и щелкнул зубами, словно злобная собака. Жеребец не дотянулся до плеча Стрэнна только потому, что тот проворно отпрыгнул назад. Джерри, свирепея, засмеялся.

– Ему нужно удалить зубы, – крикнул он приятелям, – и побыстрее.

Тут раздался голос Барри:

– Я помогу вам взобраться в седло, мистер Стрэнн. – И, пробравшись через толпу, он подошел к жеребцу.

– Осторожно! – искренне встревожился Стрэнн. – Он отгрызет тебе голову!

Но Барри уже стоял спиной к ужасным зубам, снимая с шеи коня поводья. А жеребец тем временем наострил одно ухо, затем другое и доверчиво обнюхал плечо Барри. Толпа изумленно загалдела.

– Я подержу его голову, пока вы садитесь, – предложил Барри все так же спокойно.

– Ладно, черт меня побери, – процедил Джерри и добавил: – Порядок. Держи его голову, а я объезжу его без плети, правильно?

Барри рассеянно кивнул, его тонкие пальцы поглаживали бархатный нос жеребца, и он нежно разговаривал с конем – произнося, вероятно, те ничего не значащие слова, какие использует мать, успокаивая ребенка. Когда Стрэнн вставил ногу в стремя и подобрал поводья, черный конь вздохнул. Весьма неприятное зрелище, так собака поджимает хвост под занесенной плетью. Впрочем, конь скорее напоминал человека, брезгливо прикасающегося к нечистому

животному. Толпа замерла, все улыбки исчезли. Джерри легко вскочил в седло, посидел, пробуя стремяна. Они оказались коротковаты для нового всадника, но он решил не обращать на это внимания и, пониже надвинув шляпу на глаза, вытянул руку с плетью.

– Отпускай его! – крикнул Стрэнн. – Хэй!

Эхо от этого крика еще не затихло, когда Барри отступил от коня. Мгновение жеребец стоял будто прикованный. Он сильно дрожал и не отрывал горящих глаз от лица хозяина.

И тут произошло нечто невообразимое. Словно распрямилась часовая пружина. Жеребец вильнул крупом, и Стрэнн съехал влево. Прежде, чем Джерри успел выпрямиться, конь прыгнул, как на скачках, преодолевая барьер, и почти мгновенно набрал полную скорость. Промчавшись по улице недалеко, он опять взвился в воздух и приземлился на прямые ноги. Снова закрутился волчком и рванулся назад. Джерри изо всех сил натянул поводья, но ему мешали короткие стремяна. К тому же все произошло так неожиданно, что он не успел подготовиться. Когда жеребец в очередной раз продемонстрировал сложный акробатический трюк, Стрэнна бросило вперед, его левая нога потеряла стремя, и он пулей вылетел из седла. Полное поражение! Джерри перевернулся в воздухе и приземлился в придорожную пыль. Сатана понесся к хозяину, оглядываясь на сидевшего в пыли наглеца.

Никто не рассмеялся, никого падение не обрадовало. Все молча наблюдали за возвращением Джерри. О'Брайен смотрел на происходившее через дверной проем, теперь он положил руку на плечо одного из мужчин и прошептал тому на ухо:

– Будет беда, большая беда, Билли. Иди за Толстяком Мэтьюзом. Он сейчас замещает шерифа. Тащи его побыстрее сюда! Бегом!

Билли в последний раз взглянул на Стрэнна и заторопился по улице.

Человек, который умеет проигрывать и улыбаться, обычно считается самым благородным из побежденных, но улыбка Джерри, неторопливо возвращавшегося обратно, весьма беспокоила окружающих.

– Однажды мы все оказываемся в пыли, – философски заметил он. – Но одна попытка ничего не доказывает. Я едва не справился с этим конем!

Барри повернулся к нему. Если бы в его лице мелькнула хоть тень насмешки, задира сразу бы выхватил револьвер, но в карих глазах по-прежнему светилось извинение.

– Мы не говорили о двух попытках, – сказал Барри.

– Мы говорим об этом сейчас, – процедил Стрэнн.

В толпе нашелся человек, слишком старый, чтобы представлять собой опасность, и, следовательно, способный вступить в переговоры со строптивым парнем, – О'Брайен.

– Джерри, ты сам выбирал правила игры. И проиграл. Думаю, тебе не стоит увеличивать свой проигрыш. Никто не играет дважды за одну ставку.

Светло-карие глаза Стрэнна посерели от душевного страдания, когда он переводил взгляд с О'Брайена на толпу, с толпы на Сатану, затем на кроткого хозяина коня. Нигде Джерри не встретил вызывающего взгляда или вспышки презрения, что позволило бы ему дать волю гневу. Он постоял, приходя в себя, но победили все же лучшие черты его характера.

– Пойдемте в салун, – пригласил он всех. – Выпьем и все забудем.

Глава 9

Схватка

О'Брайен поближе придвинулся к Барри.

– Приятель, – быстро зашептал он, – ты влип. Ты влип хуже, чем можно придумать. Садись на своего коня и погоняй его плетью, пока не уберешься подальше от Браунсвилла. На моем месте я больше не приближался бы к «Трем «Б» ближе чем на один день пути.

Мягкие карие глаза расширились.

– Я не люблю толпы, – пробормотал Барри.

– Ты очень умен, сынок, – ухмыльнулся бармен. – Намного умнее, чем думаешь. Уезжай!

И он повернулся, чтобы войти в салун вслед за остальными. Но Джерри стоял в дверях, наблюдая, и заметил, что Барри отстает.

– Ты идешь? – спросил он.

– У меня дела, – мягко ответил Барри.

– У тебя здесь есть другое дело, – ухмыльнулся Стрэнн. – Понятно?

Барри тяжело вздохнул.

– Лучше я останусь, – пробормотал он и зашел в салун.

Джерри Стрэнн улыбнулся, продемонстрировав свои великолепные зубы. Когда Барри проходил мимо, забияка спокойно предположил:

– Вижу, с тобой у нас проблем не будет.

И он попытался схватить крепкой рукой более низкорослого противника. Странно, но Джерри промахнулся, так как Барри вывернулся из-под его руки, подобно волку, уворачивающемуся от тени падающей ветки. Никакого явного усилия, никакого внезапного движения напряженных мускулов, лишь одна плавность, которую почти невозможно заметить. И рука Стрэнна схватила воздух.

– Ты быстр, – заметил Джерри. – Если бы твои руки были бы такими же быстрыми, как и ноги...

Барри ждал, меланхолично поглядывая на противника.

– О, дьявол! – фыркнул Джерри и пошел к бару. – Выпей! – приказал он.

Из дальнего конца комнаты послышались крик и рычание.

– Волк! О Господи! – завопил один из мужчин.

Хозяин собаки тихо прошел через комнату и встал между псом и человеком, нервно схватившимся за револьвер.

– Он вам ничем не повредит. – Голос Барри звучал мягко, но убедительно.

– Черта с два, не повредит! – буркнул мужчина. – Он вцепился мне в ногу и едва ее не отгрыз. У него зубы как ножи.

– Ты ошибаешься, Сэм, – вмешался кто-то, – это не волк. Посмотри на него.

Огромное косматое животное прижалось к ногам хозяина и, опустив голову, украдкой заглядывало в лицо Барри. Достаточно было жеста, чтобы пес тенью скользнул в угол, свернулся клубком, положив голову на лапы, и блеснул зелеными глазами. Барри сел за стол неподалеку.

О'Брайен восторженно отправлял бутылки и стаканы вдоль стойки бара. Слышался звон стаканов и возгласы удовольствия.

– Плесни-ка всем горлодера, – заорал Джерри. – Всем, кроме одного. Кроме кого? Вот *него!* Эй, О'Брайен, лимонад для леди!

Раздался смех, весьма добродушный, вскоре сменившийся хором насмешек, но Барри спокойно подошел к бару и взял стакан лимонада. Когда остальные давились «огненной водой»,

он задумчиво потягивал свой напиток. За окнами поднялся ветер, он сотрясал отель и доносил отзвуки голосов, огибая углы и просачиваясь в трещины. Возможно, именно один из этих голосов заставил большого пса поднять голову и тихо заскулить. Услышав тот же звук, Барри выпрямился возле бара и слегка наклонил голову, но больше никто в салуне ничего не заметил. Барри поставил свой стакан.

– Мистер Стрэнн! – окликнул он.

В общем гаме Джерри не расслышал голоса Барри.

– Сестра хочет с тобой поговорить, – сообщил О'Брайен Стрэнну.

– Ну, – крикнул Джерри, – что тебе надо?

Присутствующие замолчали, прислушиваясь, и выжидающе заулыбались.

– Если вы не против, – продолжал Барри, – то я поеду дальше.

В каждом из нас живет маленький невидимый дьявол. Он заставляет детей ломать собственные игрушки, мужа избивать беспомощную жену, хозяина пинать скулящую собаку. Величайший из американских писателей назвал это бесом упрямства. Теперь такой бес вселился в Джерри и заставил его сердце окаменеть. Если бы Джерри был хулиганом или громилкой, все, что произошло дальше, выглядело бы логически завершенным. Но сердце Стрэнна обычно оставалось теплым, как солнечный свет. В «Трех «Б» говорили, что Джерри взял от ребенка то, чего не пожелал взять у горного льва. Женщины любили его, и дети всегда толпились вокруг него, но сегодня его душой завладел маленький демон.

– Ты хочешь уехать, – гримасничал демон в Джерри. – Ладно, подожди немного. Я еще с тобой не закончил. Может быть... – он замолчал, раздумывая, – ты подарил мне падение. А теперь ты подаришь нам всем... смех!

За столами бара пронесся одобрительный смешок.

– Я хочу спросить тебя, – продолжал демон Джерри, – где ты взял своего коня?

– Он был диким, – последовал вежливый ответ. – Однажды я пошел и привел его.

Салун замер.

– Может, – ухмыльнулся Джерри, – ты его просто оглушил?

Так как поимка дикой лошади является одной из самых трудных в мире задач, некоторые охотники, провожая отчаянным взглядом убежавших прекрасных животных, пытались их оглушить. То есть выстрелить так, чтобы пуля слегка оцарапала голову животного, точно за ушами. Лошадь в таком случае остается лежать на земле совершенно беспомощно и не оказывает даже малейшего сопротивления. Так стрелять можно только с определенного расстояния, и требуется маленькое чудо, чтобы пуля угодила в нужное место. Если свинец проходит ниже на дюйм, конь погибает. При упоминании об оглушении в баре снова раздались одобрительные смешки.

– Нет, – отозвался Барри. – Я вышел с недоуздком, и скоро Сатана привык ко мне настолько, что сам пошел за мной домой.

Публика надолго затаила дыхание, после чего прозвучали крики восхищения. Но невидимый дьявол внутри Стрэнна расходился все больше. Джерри стукнул по стойке, требуя тишины. Потом приблизил свое лицо к лицу Барри.

– Это ложь, – процедил он сквозь зубы.

В горах существует только один способ ответа на подобные слова, но Барри не прибежал к нему. Меланхоличные карие глаза расширились, парень вздохнул и медленно отхлебнул лимонад из стакана. В зале наступила абсолютная тишина. Мужчины боялись посмотреть друг другу в глаза. Плохо, когда один человек сносит оскорбление от другого, даже несмотря на то, что этот другой – Стрэнн. Джерри тоже отвел взгляд от своей жертвы и вздрогнул, самая ужасная смерть не так противна, как трусость.

Дьявол, сидевший в нем, заставил его оглядеться в поисках новой мишени. Барри скрывался от всех угроз за весьма странным барьером. Джерри нашел новую цель мгновенно. Его

взгляд устремился в угол и обнаружил там сверкавшие зеленые глаза собаки. Он ударил по стойке.

– Разве здесь псарня, черт побери? – закричал бандит. – Я должен пить на скотном дворе? Что тут делает собака?

Стрэнн схватил тяжелый стакан с остатками виски и швырнул его в пса. Вздвигнув от удара, тот не издал ни звука. А через мгновение черная молния распоролла комнату. Тишина только подчеркивала ужас подобной атаки. Выкрикивая проклятия, Джерри только успел схватиться за револьвер, но не воспользоваться им. Однако прежде, чем пес вцепился в Стрэнна, прозвучал окрик:

– Барт!

Голос застал зверя в прыжке, пес приземлился на пол и скользнул к ногам Стрэнна.

– Барт! – снова зазвенел голос.

Распластавшийся на полу пес дюйм за дюймом пополз на брюхе обратно. Он покорился, но глаза его яростно сверкали.

– Посмотрите на него! – выкрикнул Стрэнн, подняв револьвер и прицеливаясь. – Боже, он же бешеный!

– Подождите! – приказал тот же голос, что остановил пса. Такой голос не мог прозвучать из уст Барри. Негромкий, но звенящий сильнее колокола, в нем слышался лязг металла. – Не делайте этого, Стрэнн!

Все в баре поняли, что не стоит мешать двум мужчинам выяснять отношения. Теперь между собакой и человеком сразу же образовалось открытое пространство.

– Барт! – снова прозвучала команда. – Ко мне!

Пес повиновался. Джерри опустил револьвер и улыбнулся.

– Я не сражаюсь с человеком, – любезно заявил он. – Мне это не нужно. Но ты, скотина, не вступай между нами. Когда я прицелюсь, то пристрелю проклятого волка.

В «Трех «Б» хорошо знали, как выглядит Стрэнн в драке, и люди вспоминали его до самой смерти в своих мирных постелях. Однако никто из присутствующих даже не взглянул на Джерри. Все уставились на изящного чужака. Лицо Барри вовсе не превратилось в уродливую маску. Напротив, оно стало еще более прекрасным, потому что Барри *улыбался*. Всех приковывали его глаза. В коричневой глубине разгорался свет, желтое неземное мерцание, подобное тому, что иногда возникает самой темной ночью.

Джерри никогда не был трусом. Он смотрел на этот желтый, мерцающий, переменчивый свет, смотрел пристально, и странное чувство переполняло его. Не страх, нет. Долгий опыт научил его, что в «Трех «Б» нет ни одного человека, за исключением его ужасного брата, кто мог бы выхватить револьвер из кобуры быстрее Джерри. Но Стрэнну казалось, что сейчас ему пришлось столкнуться с чем-то большим, чем невероятная скорость, человеческая сила и уверенность. Он не мог бы объяснить, на чем основывалось такое чувство. Скорее, им овладело сильное неясное предчувствие дурного, владеющего жизнями других людей. Оно-то и заставило Джерри испытать удивительную слабость.

– Я привык, – сообщил Стрэнн, – убивать бешеных собак, стоит им только попасться мне на глаза.

И он снова улыбнулся.

Мужчины довольно долго стояли, молча разглядывая друг друга. Каждый мускул Стрэнна напрягся, а улыбка закаменела на губах. Когда он наконец пошевелился, его рука конвульсивно дернулась, и, как рассказывали потом, револьвер выскользнул из кобуры прежде, чем невозмутимый незнакомец отреагировал. Никто не заметил, что произошло. Может ли глаз проследить сокрушающий удар плети?

Верно только одно. Указательный палец Стрэнна не коснулся спуска, а револьвер безвольно повис в его руке. Джерри сделал шаг назад, идиотски улыбаясь, и красное пятнышко расплылось на его груди. Затем он упал на пол лицом вниз.

Глава 10

«Дорогая Аделина»

Толстяк Мэтьюз запыхавшись вбежал в салун. Он принадлежал к людям, сочетавшим телосложение бездельника с чисто американской страстью к действию, поэтому всегда спешил и всегда задыхался. Если Мэтьюз ехал верхом, пот сочился из каждой поры его тела; а после стакана виски он едва переводил дыхание. И это при том, что помощник шерифа обладал достаточной выносливостью, в чем пришлось убедиться многим мужчинам в «Трех «Б». Он стеснялся своей полноты. Представьте себе душу орла в теле свиньи, и тогда вы поймете Толстяка Мэтьюза. Жир заполнял его сапоги, словно вода, и когда толстяк шествовал, то его сопровождал чмокающий звук. Жир перекачивался вдоль его челюстей, сделал дряблым лоб, почти затопил глаза. Но ничто не могло скрыть ястребиного носа и сверкания наполовину похороненных в жиру глаз. Все это обрамляла коротко подстриженная седая щетина. Толстяк привык мурлыкать себе под нос, чтобы скрывать одышку. Итак, Мэтьюз вошел в бар, его маленькие заплавленные глазки пристально рассматривали лица в салуне. Затем он опустился на колени возле Джерри.

Мэтьюз мурлыкал, рассматривая рубашку Стрэнна, мурлыкал, когда доставал из сумки бинт и вату. (Вдобавок к профессии шерифа, шулера, рудокопа и ковбоя, толстяк еще располагал и талантом врача.) Заинтересованные ковбои столпились вокруг. По указанию шерифа кто-то принес воду, остальные подняли и перевернули Джерри, пока Мэтьюз делал перевязку. Парень не приходил в сознание. Толстяк начал перемежать мурлыканье репликами.

– В тебя стреляли спереди, моя прелесть, верно? – проговорил он и начал мурлыкать, обматывая бинтом грудную клетку раненого: – Милой Аделине, моей Аделине подарю ночью сердце свое... Куда смотрел Джерри, когда его подстрелили? – спросил Толстяк. – О'Брайен, может, ты видел?

Бармен откашлялся.

– Я ничего не видел, – спокойно отозвался он и стал протирать стойку, без того отполированную до блеска.

– Ладно, – пробормотал Мэтьюз. – Все эти птички получают свое. А Джерри даже несколько запоздал. Лью, ты видел?

– Да.

– Какой-нибудь пьяный громила?

Лью нагнулся к уху стоявшего на коленях Толстяка и коротко что-то прошептал. Мэтьюз широко открыл глаза и принялся ругаться до тех пор, пока одышка снова не заставила его замурлыкать.

– Выстрелил ему в лицо? – выдохнул он наконец.

– Джерри уже достал свой револьвер, прежде чем чужак пошевелился, – заявил Лью.

– Это невозможно, – выдавил Толстяк и спокойно продолжал напевать: – Всегда в мечтах твое лицо... – Мэтьюз быстро добавил, закончив перевязку: – Куда он пошел?

– Никуда, – ответил Лью, – он только что вышел.

Мэтьюз снова выругался, а затем сообщил:

– Похоже на самозащиту, верно?

О'Брайен перегнулся через стойку.

– Послушай, Толстяк, – серьезно сказал он. – В этом нет сомнений. Джерри первым начал. Он пытался пристрелить волка, принадлежавшего этому парню Барри.

– Волка? – перебил шериф.

– Собаку, полагаю, – уточнил бармен. – Не знаю. Как бы то ни было, Джерри сам виноват. Этот Барри просто закончил дело. Я думаю, парня не стоит арестовывать. Или ты хочешь поддержать его здесь для Мака Стрэнна?

– Такова моя работа, – проворчал блюститель порядка. – Эй, ребята, возьмите Джерри и отнесите его в комнату. Через минуту я поднимусь.

Пока выполнялись его указания, Мэтьюз тяжело протопал через зал и вышел на улицу. Там он увидел только одного человека – седлавшего черного коня. Толстяк направился к нему, но огромная черная собака, появившаяся неизвестно откуда, преградила дорогу. Пес молчал, но зубы и глаза выглядели достаточно красноречиво, чтобы остановить любого храбреца.

– Вы Барри? – спросил Мэтьюз.

– Да, так меня зовут. Иди сюда, Барт.

Большая собака отступила, но глаз с Толстяка не спускала. Мэтьюз осторожно приблизился к всаднику. Совершенно очевидно, что тот не торопился уезжать.

– Барри, – начал Толстяк, – не пытайся сыграть со мной шутку, когда я назову тебе свое имя. Я не собираюсь причинять тебе вреда. Но меня зовут Мэтьюз. И... – Он отвернул лацкан жилета, чтобы Барри смог увидеть блестящую звезду. Тем временем его маленькие бусинки-глаза изучали чужака с настоящим птичьим вниманием. Всадник не пошевелился. Теперь Мэтьюз разглядывал женственное изящество Барри, большие безмятежные глаза. Он подошел ближе и доверительно положил руку на лук седла. – Сынок, я слышал, что ты играл честно. Ну и я знаю Стрэнна и его характер. Он, безусловно, не прав. В этом нет сомнений, и если я тебя задержу, будет доказано, что ты только защищался. Поэтому я не собираюсь тебя арестовывать. Ты свободен. Но имей в виду, уезжай отсюда – слышишь? – скачи на север от «Трех «Б». У тебя *такой* конь! Поверь мне, он тебе понадобится. – И Мэтьюз уже тише добавил: – Нахлестывай его, скачи без остановок, пока выдержит твой красавец. А затем слезай со своего жеребца и садись на другого. Сынок, через три дня Мак Стрэнн пойдет по твоему следу. – Толстяк отступил назад и махнул рукой. – А теперь уноси ноги!

Черный жеребец прижал уши и отшатнулся, но всадник не пошевелился.

– Я никогда не слышал о Маке Стрэнне.

– Ты никогда не слышал о Маке Стрэнне? – эхом отозвался Мэтьюз.

– Но я хотел бы с ним встретиться, – продолжал Барри.

Толстяк быстро заморгал, словно стремился лучше разглядеть собеседника.

– Сынок, – прохрипел он. – Вижу, ты игрок. Но не играй в проигранную игру. Если Мак доберется до тебя, то разорвет на части. У тебя не будет даже шанса. Ты справился с Джерри, верно. Но Джерри и Мак – домашняя кошка и горный лев. Приятель, вижу, что ты здесь чужой, но спроси у меня, и я расскажу тебе, как поступить.

Барри соскользнул с седла:

– Я хочу знать, куда лучше поставить моего коня.

Мэтьюз потерял дар речи.

– Впрочем, полагаю, – продолжил Барри, – что могу разместить его вон там, за отелем.

Мэтьюз снял сомбреро и почесал в затылке. Гнев и изумление переполняли его душу, но он все-таки сумел сдержаться и продолжал атаку:

– Барри, я тебя не понимаю. Может, ты хочешь подождать, чтобы Мак появился в городе раньше, чем ты отсюда уедешь? Или ты думаешь, что твой жеребец обгонит кого угодно? Может, ему это и под силу. Но послушай меня: Мак не идет по следу быстро, но он никогда не теряет следа! Ты пройдешь под дождем через скалы, но никогда не сбросишь его с хвоста. Он не забудет твой запах!

– Спасибо, – отозвался Барри. – Полагаю, с ним все же стоит познакомиться.

Затем он повернулся и спокойно направился к конюшне позади отеля, за ним следовали черные конь и собака. Мэтьюз облизнул пересохшие губы, чтобы засвистеть, но не смог издать

даже звука. Тогда Толстяк направился в салун, отсутствующе глядя перед собой и неясно мурлыча:

– Милой Аделине, моей Аделине подарю ночью сердце свое... – В салуне Мэтьюз крепко взялся за стойку пухлыми руками и прохрипел: – О'Брайен, горлодер! – Толстяк отодвинул маленький стакан, поставленный перед ним барменом, и пододвинул ему кружку для воды. – О'Брайен, – пояснил он, – мне нужна сила, а не воодушевление.

И, наполнив кружку до краев, Мэтьюз осушил ее одним глотком.

Глава 11

Стервятник

Большинство животных имеют двойников среди людей. В комнате, где упал Джерри, прихотливый наблюдатель мог бы назвать Стрэнна с его рыже-коричневой гривой львом, О'Брайена за стойкой – лохматым медведем, а Мэтьюза – росмахой, жирной, но опасной. Здесь же стоял экземпляр уродливый и выносливый, как индейская лошадь. А еще там был Дэн Барри – гибкая и подвижная пантера. Среди прочих тот же наблюдатель, скорее всего, выделил бы еще одну личность, огромного роста, но не отличавшуюся полнотой. Строение костей и сухожилий обещало высокую скорость передвижения, длинная узкая голова, клювоподобный нос, маленькие глазки, близко посаженные и сверкавшие, словно медные пуговицы, внушительных размеров кадык перекачивался по длинному горлу. Такому персонажу больше приличествовала бы роль призрака голода в старинной пьесе, но каждый обитатель гор считал бы уместным назвать его стервятником. Из-за своего ужасающего безобразия человек получил прозвище Весельчак Лэнгли, так как при смехе издавал совершенно неопиcуемый звук – нечто среднее между криками мула и карканьем вороны. Но Весельчак обычно молчал, часами просиживая без единого слова, только пока его глаза рассматривали окружающие лица, поворачивал голову, словно что-то склевывая. Вся горечь горной пустыни поместилась в Весельчаке Лэнгли. Если его внешний вид напоминал стервятника, то в душе он все же оставался ястребом. Поэтому, повсюду сопровождая Джерри, Лэнгли кормился остатками со стола предводителя, а страсть к приключениям питал опасностями, встречавшимися на пути Стрэнна.

В баре Весельчак смотрел то на Джерри, то на Барри, то снова на Джерри. Когда прозвучал выстрел, подобие ухмылки появилось на тонких губах Весельчака, а когда на груди пошатнувшегося дружка расплылось красное пятно, глаза Лэнгли сверкнули, словно отблеск всепожирающего огня. Затем он помедлил, даже не пытаясь помочь упавшему, но при виде серьезной раны и кровавых пузырей на губах Стрэнна повернулся и украдкой вышел из салуна. Его глаза светились, а душа переполнялась плохими новостями.

У коновязи он вскарабкался в седло тщедушной лошаденки, направил ее по улице и глубоко всадил шпоры в бока несчастного животного. Бедная тварь фыркнула и взбрыкнула, но Лэнгли только крепче сжал ее бока и снова хлестнул плетью.

Гримаса, изображавшая улыбку, появившаяся на его лице после выстрела Барри, не исчезла, пока он много миль скакал к горам, но, когда Лэнгли оставил позади пики, а белый свет дня потускнел и глубокие тени сгустились в долинах, улыбка погасла. Он сосредоточился только на дороге. Затем, добравшись до вершины высокого холма, остановился и огляделся.

Уже почти стемнело, и глаз обычного человека не смог бы отличить дерева от скалы издали, но Весельчак упорно продолжал путь, будто наделенный необыкновенным зрением. Стервятник и тот не разглядел бы лучше труп с высоты своего полета, чем Весельчак отыскал дорогу в горах. Он выждал несколько секунд, прежде чем снова вонзить шпоры в бока своего мустанга, и помчался по склону в отчаянном галопе. Его целью являлась хижина, точнее, пристройка с односкатной крышей, тесно прижавшаяся к скальному склону, шаткое строение с длинной печной трубой, косо торчавшей из крыши. У двери лачуги Весельчак натянул поводья и спрыгнул на землю. Внутри хижины было темно, но Лэнгли прокрался ко входу с осторожностью дикого индейца и разведal обстановку, изучив каждый угол сверкавшими глазами. Он продолжал свое исследование довольно долго, но даже убедившись, что в лачуге никого нет, Лэнгли не вошел, а только сделал несколько шагов к двери, внимательным взглядом окинув сумеречное пространство вокруг. Неподалеку от двери он обнаружил привязанную лошадь, при виде гостя прекратившую щипать траву. По размеру животное вдвое превос-

ходило лошадь Лэнгли. Такие габариты у коней встречаются весьма редко. Огромная, почти квадратная голова, короткая толстая шея, непропорционально маленькие, но очень сильные ноги, линия тела скошена назад. Казалось, что круп занимает ровно половину туловища. Это следовало бы квалифицировать как уродство, произведенное природой для лучшего карабканья по скалам. Глядя на конягу, трудно было предположить, что эти массивные конечности способны передвигаться в галопе. Однако Весельчак хорошо знал возможности уродливого животного. Он даже обошел его кругом, стараясь разглядеть получше.

Еще раз изучив темневшие склоны, он повернулся к хижине, но теперь вошел в нее как хозяин и зажег фонарь, висевший на стене справа от двери. Обстановка в хижине отличалась редкой простотой. Стулья отсутствовали, куча одеял на дощатом полу служила постелью. С одной стороны висело зацепленное за одно стремя седло, а с другой – шкуры рысей и койотов, растянутые для просушки. Весельчак поставил фонарь и осмотрел шкуры, снятые с необыкновенным мастерством. Насколько Лэнгли мог судить, шкуры остались абсолютно целыми, ни одного кровавого пятна, свидетельствовавшего о поспешной работе, или дырок от неточных выстрелов. Изнутри шкуры больше напоминали старый пергамент, но Весельчак больше интересовался головами и лапами, так как именно там хорошо заметна небрежность. Однако работа выглядела просто идеальной. Даже критически настроенному Весельчаку пришлось отступить и восхищенно покачать головой. Затем Лэнгли продолжил осмотр комнаты.

В одном углу стояли винтовка и дробовик, в другом валялась куча провизии: бекон, соль, мука, крупа и кое-что еще. Специи и приправы не признавались в этом доме. Отсутствовал даже кофе, а также патока и сладости – великое искушение для жителя гор. Мука, мясо и вода, похоже, составляли основную пищу траппера. Для приготовления пищи предназначалось неогражденное пространство посреди комнаты с несколькими камнями, почерневшими от сажи, уложенными вокруг ямки. В качестве дымохода служило маленькое отверстие в центре крыши. Длинная печная труба, торчавшая над крышей, по мнению хозяина, придавала хижине более цивилизованный вид.

Когда Весельчак осматривал очаг, до него донеслось слабое ржание лошади. Он вздрогнул, будто его поймали с поличным, и метнулся к фонарю. Однако, схватив его, Лэнгли передумал и снова повесил фонарь на стену. Затем повернулся ко входу и настороженно выглянул наружу.

Перед ним предстала крайне гротескная фигура. Казалось, что какое-то огромное дикое животное (горный лев или гризли, только невероятных размеров) медленно спускалось с горы, идя на задних лапах и вытянув передние в сторону, словно предупреждая всех встречных. Весельчак побледнел и невольно потянулся за револьвером, так как впервые видел подобное, но внезапно все понял. Человек что-то нес – похоже, шкуру медведя. Охотник положил медвежьи лапы себе на плечи – его локти и казались вытянутыми руками, а над головой его возвышалась огромная медвежья морда. По мере того как охотник подходил ближе, голова животного соскользнула набок и красный язык вывалился из пасти.

Весельчак отступал шаг за шагом внутрь хижины, пока его лопатки не ударились о стену. И в этот момент Мак Стрэнн вошел в комнату. Он не услышал приветствия от гостя, но все же сбросил ношу на пол. Та упала, заставив вздрогнуть весь дом, от печной трубы до скрипучих половиц. Мак некоторое время рассматривал свою добычу, затем нагнулся и раздвинул огромные челюсти. Внутри пасть казалась не такой красной, как руки Стрэнна, а большие белые клыки почему-то не выглядели ужасными в сравнении с охотником. Закончив осмотр, тот медленно повернулся к Весельчаку и прищурился от яркого света. Весельчак Лэнгли закусил тонкие губы, его глаза расширились почти до нормального размера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.